ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 137 (4262)

Четверг, 17 ноября 1960 г.

ЦЕНА 40 КОП.

ЯК МИР, ЯК ЩАСТЯ, ЯК ЛЮБОВ!

Владимир СОСЮРА

А ночь плывет,
сомкнув над миром
вежды,
Услышу вновь я
шум родной травы.
О, сколько света,
света и надежды
На затемненных
улицах Москвы!

Этим четверостишьем заканчивалось одно из моих стихотворений, написанное восемнадцать лет тому назад — в сентябре 1942 года, когда мою дорогую Украину терзал озверевший враг. Не подумайте, что это перевод. Нет! Оно было написано по-русски. И не случайно.

...С детских лет русский язык для меня родной и близкий. Я жил в Воронеже, на Кавказе и в других местах необъятной России. И не только слышал русскую речь, но и упивался светлой лирикой Пушкина и Лермонтова, зачитывался бессмертными творениями Толстого, Тургенева, Гоголя. Русский язык ввел меня в поэзию. Я начал писать с четырнадцати лет. Первые стихи слагались по-русски. Так, в 1917 году в газете была помещена моя первая проба пера «Молитва за Родину».

Я и теперь пишу иногда стихи по-русски, так как не могу не писать их.

Великий русский язык! Если бы не он, я не был бы таким, каким стал. Ведь он старший и любимейший брат соловьиной речи моей бессмертной Украины.

...Птицы ищут тепла. Они летят на юг, в далекие жаркие страны. А человек может найти его и на севере. Человек едет в Москву, где сейчас снег. Украинец едет в Москву. Украинец знает, что в зимней, холодной Москве он найдет самый теплый дружеский прием.

Уже так повелось, что все свои лучшие достижения советские люди привыкли показывать тут, в сердце нашей великой Родины. В третий раз украинские писатели, артисты, музыканты, художники—лучшие представители нашей литературы и искусства—привозят в столицу все то, чем богата украинская национальная культура.

Русский народ всегда знал и чтил нашу литературу, наш язык, наши песни. Москвичам, которые приходят на наши выступления, не нужен переводчик. Ведь встречаются братья. Братья по духу, братья по культуре, братья по языку.

Звучит в Москве украинская речь. Это не ново. Так было всегда. Но сейчас звучит она и в устах нескольких тысяч участников декады.

Всему миру известна гигантская роль в популяризации родного языка, в утверждении его силы и красоты таких истинно национальных поэтов, как Пушкин, Шевченко, Мицкевич. Они почерпнули у народа свой великолепный, сочный язык и вернули его народу еще более отточенным, обогащенным. Благодаря их творчеству народы земного шара научились лучше понимать друг друга, уважать друг друга, ценить.

Но только Октябрьская революция дала украинскому народу возможность в полный голос заговорить на своем родном языке. И с тех пор он непрестанно крепнет и обогащается. От поэтов, от их активности, отражающей и выражающей волю миллионов, многое зависит в поднятии к сияющим вершинам общечеловечности своего национального языка. Я за естественную взаимопроникаемость и взаимообогащение языков. И дело тут не в простом заимствовании отдельных слов, специфических оборотов. Я думаю, что в далеком и чудесном будущем из всех национальных языков на основе их равенства и братства возникнет новый, общечеловеческий язык, на котором будут говорить наши потомки — люди коммунистического общества. Но это произойдет не путем нивелировки языков, не путем подчинения одного языка другому. Это станет возможным только при полном, всестороннем развитии каждого национального языка. Известные строки из стихотворения поэта Расула Гамзатова:

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть,—

являются поэтической гиперболой, выражающей великую силу любви к родному языку, созвучную всем нам.

Да, слияние языков, слияние всех национальных культур — это дело чудесного, но еще не скорого будущего.

Мы рады познакомить вас с лучшими последними достижениями нашей литературы и искусства. Достижениями, которые ярко доказывают небывалый, удивительный расцвет нашей украинской культуры — социалистической по содержанию, национальной по форме.

Хочется только еще раз подчеркнуть, что все наши успехи стали возможны благодаря победоносной Октябрьской революции, неустанной заботе Коммунистической партии о развитии всех народов Советского Союза. У наших народов одни интересы, одни стремления. Мы идем в едином строю борцов за коммунизм. Разговаривая на разных языках, мы говорим на одном — на языке мира и дружбы между народами. И как тут не вспомнить замечательные слова Максима Рыльского:

— Мужай, прекрасна наша мово,
Серед прекрасних братніх мов,
Живи, народу віще слово,
Над прахом царських корогов,
Цвіти над нами веселково,
Як мир, як щастя, як любов!

По комсомольской путевке

Фото Р. Азриеля.
(Фотовыставка «Советская Украина»)

ДНЕВНИК ДЕКАДЫ

Нет, пожалуй, для поэзии более благодарной аудитории, чем студенческая молодежь, особенно — университетская. И в Доме культуры Московского университета даже такой прозаик, как Михаил Стельмах, решительно «изменил» своему любимому жанру и читал стихи, к тому же — шуточные, а другой прозаик, Леонид Смилянский, хотя и прочитал прозаический отрывок, но это все-таки была глава из книги о поэте, о великом Кобзаре.

На литературный вечер пришли все студенты, которых мог вместить немалый зал Дома культуры, и... еще человек сто. И атмосфера здесь была настолько студенческой, что ею невольно прониклись многие участники вечера. Председательствующий Александр Жаров вспомнил о том, что сам учился когда-то в МГУ, Павло Тычина рассказал о годах своей учебы и о посещении Кембриджского университета. После вступительного слова Л. Новиченко с чтением стихов выступили И. Вырган, И. Нехода, Д. Павлычко, М. Терещенко, В. Ткаченко.

Многонациональная аудитория очень тепло принимала украинских писателей. Еще до открытия вечера студенты окружили гостей в фойе, завязались разговоры. Д. Павлычко неожиданно встретился с земляком-студентом, а М. Тарновский разговорился с марокканскими ребятами, удивив их чистейшим английским произношением. Позже, когда этот высокий седой человек рассказывал с трибуны о своей большой и нелегкой жизни, почти 50 лет которой он провел в Соединенных Штатах, — московские студенты горячо приветствовали поэта и борца, вдали от Родины оставшегося ее верным сыном.

Встреча украинских писателей с коллективом студентов и преподавателей Московского университета была лишь частью большой программы литературных вечеров, проводимых в эти дни в разных концах столицы.

***

Два дня в Центральном Доме литераторов под председательством Г. Маркова проходило обсуждение современной украинской прозы. На прочтение и обсуждение было выдвинуто множество романов, повестей, сборников рассказов, написанных украинскими литераторами за последнее десятилетие.

Вступительное слово об успехах украинской прозы, ее жанровом богатстве сделал критик Ю. Барабаш. Затем выступили писатели и критики М. Алексеев, П. Бляхин, Я. Брыль, В. Василевский, Б. Галин, К. Горбунов, В. Гоффеншефер, С. Злобин, А. Исбах, В. Каверин, В. Кирпотин, Ф. Кравченко, Ю. Лаптев, А. Лебеденко, Л. Ленч, В. Лидин, Г. Ломидзе, М. Мусиенко, Д. Нагишкин, Л. Никулин, А. Первенцев, Е. Пермитин, Г. Сеидбейли, Т. Трифонова.

Более ста литераторов записалось для выступлений — цифра, сама по себе свидетельствующая о большом интересе и пристальном внимании к украинской прозе.

В заключение В. Козаченко от имени литературной общественности Украины выразил благодарность писателям, принявшим участие в обсуждении.

Вчера под председательством А. Прокофьева началось обсуждение украинской поэзии. Вчера же под председательством А. Салынского состоялось обсуждение украинской драматургии.

Дмитро ПАВЛЫЧКО

НАШ КАРБОВАНЕЦЬ—ЮНАК

«Совет Министров СССР принял решение о повышении с 1 января 1961 года золотого содержания рубля и курса рубля к валютам иностранных государств... Курс рубля к доллару установлен 90 копеек за 1 доллар США». (Из газет)

Наш карбованець — юнак.
Іхній долар — дід з горбом.
Ростом мірятись, однак,
Їм доводилось обом.
І сказати правду слід,
Хоч вона для нас гірка.
Так було, що зверху дід
Поглядав на юнака.
А тепер вони зійшлись
Мірятись, як і колись.
Став карбованець як грім,
Долар — карлик став при нім.
Сердиться старий, та ба —
Не розправить він горба,
Щоб зрівняться з молодим,
Із високим, золотим!
Бо карбованцю вже він
Ледь сягає до колін.
Що ж, на світі все просте:
Молоде й нове росте.
Значить, в нашого гроша
Справді молода душа.
І не золото, не мідь,
А життя за ним стоїть!

НАВСТРЕЧУ ПЛЕНУМУ ЦК КПСС

ХИМИЯ И МОТЫГА

Семен НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

НЫНЕШНИМ летом ездил я по подмосковным колхозам и видел женщин, склонившихся над грядками. В руках у колхозниц — мотыги. Те самые древнейшие орудия, которые были известны еще на заре земледелия.

На тех же полях, которые, согнувшись, мотыжили женщины, работали вполне современные тракторы. Они пахали, бороновали, культивировали, сажали рассаду в торфоперегнойных горшочках, рыхлили междурядья, поливали растения. А вот, поди ж ты, древнюю мотыгу не заменили...

Да и как ее заменишь, когда в рядках, куда металлические пальцы культиваторов не могут дотянуться, привольно росли сурепка, ромашка, осот, вьюнок, молочай! Росли так буйно, что среди них нескоро и заметишь бледные, немощные ростки культурных растений. Обнаглевшие сорняки ничуть не боялись мощных, сердито урчащих тракторов. И мотыга, древняя мотыга, которая одна только и могла выполоть гнезда, бросала насмешливый вызов современной технике.

Нет, без мотыги не обойтись ни на овощах, ни на картофеле и кукурузе, ни на других пропашных культурах, где, несмотря на перекрестную механизированную обработку, сорняки растут и губят урожай в гнездах.

А как быть со сплошными посевами, занимающими площади куда больше, чем пропашные? Там междурядий нет и человеку с мотыгой некуда ступить. Пшеницу, рожь руками не прополешь. И благоденствуют там сорняки, глушат, губят хлеба. Из-за них мы ежегодно теряем огромное количество хлеба.

Но и это еще не все. Трудно даже представить себе, какие беды приносят нам сорняки на пастбищах, сенокосных угодьях, в садах, лесных массивах...

Сорняки... Могучие организмы с узловатыми корневищами, с несметными полчищами потомков, извечно приспособленные к местным условиям. Они не только беззастенчиво отнимают у культурных растений пищу, воду, свет. Они еще способствуют распространению болезней и вредителей в сельском хозяйстве, резко снижают эффективность удобрений, поливов, осложняют уборку, работу комбайнов.

ЧТО ЖЕ, нечего нам противопоставить нашествию сорняков? Выхода нет?

— Есть. — Это говорит Григорий Алексеевич Чесалин, заведующий лабораторией Всесоюзного научно-исследовательского института удобрений и агропочвоведения. — Какой? Вот...

Два свекловичных поля раскинулись по соседству, слева и справа от дороги. Участки не знали мотыги. Естественно, они заросли сорняками. На левом поле их полным-полно. Урожай свеклы составил тут всего-навсего 91 центнер с гектара. На правом поле... Что за чудо? Совершенно чистое поле! Ни одного сорняка! Сколько же здесь свеклы? Взвесили: ого, 325 центнеров! 234 центнера свеклы дополнительно с каждого гектара!

Кто же тот волшебник, который незримо вышел в поле и так лихо одолел злейшего врага — сорняки?

— Это сделали гербициды, — продолжает Чесалин.

Слово это происходит от латинских герба — трава и цедо — убиваю. Так назвали химические соединения. Идея использовать химию для борьбы с сорняками возникла случайно, еще в прошлом веке: французские виноградари, опрыскивая свои лозы медным купоросом, обнаружили, что от раствора, попавшего на землю, погибла сорная трава.

Гербициды поражают сорняки, имеющие свои биологические особенности, и практически безвредны для культурных растений. Для каждого вида сорняков найдены свои препараты.

Кто бывал на целине, видел, какой вред наносят там сорняки. Но вот самолет опрыснул раствором гербицида тысячу гектаров пшеницы в Кустанайской области. Сорняки погибли. И пшеница, ничем не стесненная, буйно пошла в рост. На обработанном участке урожай с гектара оказался на 4,6 центнера выше, чем на соседних необработанных полях. Участок дал дополнительно почти 30 тысяч пудов хлеба! Только одно поле. А если взять всю целину!

Но, быть может, использование авиации и гербицидов обходится дорого и овчинка выделки не стоит? Подсчитали. Все расходы по химической обработке одного гектара — 38 рублей 18 копеек. Значит, каждый дополнительный центнер пшеницы обошелся всего-навсего в 8 рублей 30 копеек. Такого дешевого хлеба никто еще не получал!

Чесалин рассказывает о проведенных испытаниях гербицидов на посевах проса, льна, картофеля, хлопчатника. И снова цифры поражают воображение: химическая прополка в сотни раз сокращает затраты труда, неизменно приносит большие добавочные урожаи.

— Поезжайте-ка в Институт защиты растений, — советует мне Чесалин. — Там тоже узнаете немало интересного.

Институт находится в Ленинграде. Еду.

НИКОЛАЙ Африканович Шипинов, заведующий тамошней лабораторией гербицидов, показал отчет об опыте на квадратно-гнездовых посевах кукурузы в Молдавии. Поле трижды прорыхлили в двух направлениях и разделили на три участка. На первом гнезда не пололи. На втором их дважды пропололи вручную. Третий участок один раз опрыснули гербицидом симазин. Вот результаты: на первом участке собрали с гектара 162 центнера зеленой массы, на втором — 232, а на третьем — 309. Причем если ручная прополка одного гектара стоила 450 рублей, то химическая — лишь 25 рублей!

Шипинов рассказывает о другом найденном в лаборатории препарате — нитрафене, который испытывали на повилике.

Повилика. Как выполоть ее, когда она не имеет ни корней, ни листьев и сливается со стеблем люцерны, обвивая его? Не было средства борьбы с ней, пока не появились гербициды.

Три года испытывали препарат в Ташкентской области. И вот выведена средняя цифра — 99,3. Такой процент повилики погибал. То есть практически люцерна полностью освобождалась от своего душителя-сорняка. Причем одно опрыскивание гербицидом оказывает действие не на один укос травы, а на целых три года, на шесть укосов.

НЕЛЬЗЯ было не побывать у Игоря Васильевича Шутова, заведующего лабораторией Центрального института лесного хозяйства.

— Что бы стало с Невским проспектом, если бы лет на двадцать от него ушел человек? — встретил меня неожиданным вопросом Шутов. Я непонимающе гляжу в его прищуренные глаза. — На Невском бы вырос лес!

Звучит несколько парадоксально, не правда ли? Но Шутов приводит доказательства. В одной только Вологодской области заросло кустарником свыше миллиона гектаров пастбищ и сенокосов. Если же взять всю страну, от Прибалтики до Дальнего Востока, то площади закустаренных лугов, пастбищ, залежей составят сотни миллионов гектаров!

Кустарник вырубают топорами. Трудоемкая и дорогостоящая работа эта малоэффективна: уже через год от корней отрастают метровые побеги, и надо все начинать сначала.

Порой заросли корчуют. Это еще тяжелее и еще... бесполезнее. Дело в том, что раскорчевка уничтожает на северных маломощных почвах 6-, 10-сантиметровый плодородный слой, который образовывался в течение тысячелетий, и после этого здесь почти ничего не растет.

Что же делать? Не погибать же травам на таких неоглядных просторах!

Оказывается, и тут выручают гербициды (лесники называют их по-своему — арборицидами; арбор — дерево). Достаточно опрыснуть заросли с самолета, как они погибают от верхушек до самых корней.

Химическая прополка абсолютно незаменима на вырубках, где после опрыскивания погибают малоценные породы, а прирост сосны, ели, кедра увеличивается вдвое и втрое. Химию невозможно заменить при борьбе с травянистыми сорняками в посадках и посевах леса, в садах, виноградниках...

Вот и отлично! Найдены и успешно испытаны химические препараты, которые легко справляются с тем, что не под силу трактору. Гербициды настигают сорняки всюду, где бы они ни таились, вступают с ними в короткую схватку и неизменно побеждают. Теперь-то уж пришел конец первобытной мотыге!

НО ОТЧЕГО у людей, работающих с гербицидами, потухшие глаза и такой безнадежный вид? Почему так непохожи они на созданные ими столь воинственные детища?

— Устал, — говорит Шипинов. — Возьмите нитрафен. Четыре года назад создана его рецептура, разработана технология производства. А результаты — вот...

Он показывает несколько объемистых томов. В них переписка. С Государственным комитетом Совета Министров СССР по химии. С Госпланом. С Министерством сельского хозяйства СССР. Бумаги, бумаги... Повилике они ничуть не страшны. А нитрафена и по сей день в производстве нет.

Не верю ушам и глазам: да может ли такое быть? Скорей возвращаюсь в Москву и иду в Институт удобрений и инсектофунгицидов, непосредственно связанный с промышленностью.

— Плохо, — тяжело вздыхает профессор Николай Николаевич Мельников, заместитель директора института. — Хуже некуда!

Профессор рисует положение, хуже которого, поистине, не придумаешь. За десять с лишним лет удалось «протолкнуть» в промышленность одинединственный гербицид — 2,4-Д. Его выпускает лишь Уфимский завод, не обеспечивающий и сотой доли потребности страны.

А гербициды для кукурузы, для овощей, картофеля, хлопчатника и многих других культур? Их вообще нет в массовом производстве и... неизвестно когда будут!

Да откуда же им быть, когда у института нет не то что завода, но и цеха для изготовления даже опытных партий гербицидов! У предприятий же, к которым обращается институт, совершенно другой профиль, никакого отношения к гербицидам не имеющий, и они, естественно, всячески (и весьма успешно) отмахиваются от его заказов.

Есть правительственное постановление о ряде предприятий, которые должны вступить в строй в будущем году. Но они не вступят. Потому что ни одно из них даже не начато строительством. Просто удивительно, до чего не везет этим стройкам: то проекты несовершенны, то санинспекция накладывает «вето», то руки не доходят...

Да что там предприятия! Научным сотрудникам института негде даже работать. Шесть лет назад должен был быть построен для них лабораторный корпус. Однако Моссовет не выделил участка. Теперь вышло новое постановление о строительстве того же корпуса. И снова Моссовет запрещает его возведение в Подмосковье.

Читаешь тома переписки (в институте их больше, чем у Шипинова), и, ей-богу, приходит в голову мысль: уж не заимели ли вездесущие сорняки своих верных союзников в учреждениях, кои не дают ходу гербицидам?

Чем же все-таки объяснить то, что происходит у нас с производством препаратов для химической прополки?

ДУМАЕТСЯ, причина одна: нет полноправного хозяина!

В управлении основной химии и горнохимического сырья Государственного комитета Совета Министров СССР по химии есть технический отдел. В нем сидит человек, который ведает вопросами стандартизации и нормализации химической продукции, а также ядохимикатами... и гербицидами.

В отделе химической промышленности Госплана СССР имеется специалист по химии и химико-органическому синтезу... и гербицидам.

И в этом «и» все дело. Гербицидами занимаются «постольку-поскольку», за них, по сути дела, никто по-настоящему не отвечает.

На вывесках всех четырех научно-исследовательских институтов, о которых шла речь, нет слова «гербициды». Они и здесь отнюдь не являются главным предметом забот.

А в Министерстве сельского хозяйства СССР и вовсе нет ни одного специалиста по гербицидам. Ни единого! В том министерстве, которое, казалось бы, должно быть первым воителем за эту спасительную, чудодейственную химию!

Не удивительно, что во многих колхозах и совхозах даже не слыхали о химической прополке, что нет у нас соответствующих тракторных опрыскивателей и другой необходимой техники, что даже выпущенные в малом количестве гербициды используются далеко не полностью.

Гербициды легко убивают злейшие сорняки на нивах, они освобождают наших людей от тяжкого ручного труда, но они бессильны в борьбе с равнодушием в иных наших канцеляриях. Тут вопят, молят о помощи сами гербициды. И они должны ее получить. Насущно необходимо создать мощный центр, который бы занимался исследованиями, производством и внедрением гербицидов.

Ведь у нас есть все, чтобы химические препараты заменили, наконец, мотыгу, дали нам дополнительно огромное количество пудов хлеба, мяса, масла. Исходного сырья для гербицидов — поваренной соли, продуктов сухой перегонки каменного угля, древесины, торфа — нам не занимать! А затраты на капитальные вложения, как бы они ни были велики, окупаются в первый же год.

Дело борьбы с сорняками требует широчайшего размаха. Пусть же на святую войну с извечными врагами наших культурных растений, кормящих и одевающих нас, повсюду поднимутся люди!

В театрах Украины

А. АНАСТАСЬЕВ

ПРИВЫЧНЫМ для глаза московским театральным афишам пришлось потесниться: на многочисленных стендах в изобилии появились яркие, красочные программы театров Украины, приехавших на декаду из Киева, Харькова, Львова, Запорожья, Черновц, Винницы.

Что привезла нынче театральная Украина в Москву, кто возглавляет драматический репертуар?

Шекспир и Чехов.

Старицкий и Кочерга.

Леонов, Корнейчук, Левада, Собко.

Уже один этот перечень — свидетельство высокой зрелости и творческой силы современного украинского театра: он в дружбе с великанами мировой драматургии; на его сцене бережно хранятся и развиваются традиции национальной классики; современные драматические писатели занимают командные высоты в репертуаре. К этому следует добавить, что в украинской драматургии появились и совсем новые имена: харьковский учитель Печенежский, автор пьесы «День рождения», завлит черновицкого театра Андриевич, пьеса которой «Леся» поставлена на сцене.

Конечно, соблазнительно начать заметки о декадных драматических спектаклях с «Короля Лира» с неожиданным Крушельницким в главной роли или с «Дяди Вани», где чудодействует Романов. Однако есть важнейший вопрос, который по праву задается первым: что рассказали нам театры Украины о нынешней жизни, о людях коммунистического века? Этот вопрос первый не по табели о рангах, а потому, что в ответе на него раскрывается жизнеспособность каждого театрального коллектива, потому, что по самой своей природе театр — искусство сегодняшнее.

Что ж о современниках?

Все приехавшие в Москву театры привезли спектакли о людях наших дней. Отметим одну примечательную особенность: почти все пьесы — **новые**, они пойдут в Москве «первым экраном». И это важно, ибо многократно возрастет роль декады, если она станет не только торжественным смотром искусства республики, но откроет новое для всесоюзного советского театра.

Одно из таких открытий, мне кажется, — драма Александра Лезады «Фауст и смерть». В этой пьесе ново и увлекательно уже то, что герои ее — первые советские космонавты. Но известно, тема и жизненный материал еще не решают успеха в искусстве. Победа писателя в том, что в драматическом рассказе о полете в космос он приоткрыл философское и человеческое содержание величайшего завоевания советской науки.

Ярослав и Вадим — вот полюсы и движущие силы драмы. Оба они — большие современные ученые, но как по-разному живут, мыслят, работают! Для Ярослава овладение космосом — это страсть и труд всей жизни, дело, которое неотрывно от коммунистического первооткрытия мира. Он решает неслыханную научно-техническую задачу, отправляется в полет и гибнет — **для людей**, во имя их безраздельного владычества над природой.

Не то у Вадима. Талантливый инженер, он, по сути дела, не верит в силу человека и уповает лишь на всемогущество совершенной машины. Холодный расчет — вот единственная вера Вадима. И он сам уподобляется машине. Смело и неожиданно выражает эту мысль писатель: сконструированная Вадимом кибернетическая машина-человек, названная новым словом Механтроп, — это двойник ее создателя, его оборотная сторона. И как бы ни был умен и точен в своих расчетах Механтроп—Вадим, лишенный души и идеала, он не властен над силами природы. Истинный гуманизм советской науки, ее общественное предназначение и устремленность в будущее побеждают индивидуализм, неверие в человека, бездушие голой техники.

Не научная фантастика, не приблизительная иллюстрация скорого полета человека за пределы земного притяжения волнуют драматурга. Он хочет рассказать о том, что за душой у тех, кто полетит в космос.

И хорошо, что философские раздумья неотрывны в пьесе от человеческой судьбы героев. Гибель Ярослава, трагедия матери, потерявшей в космосе одного сына и отправляющей туда другого, — это большая и мужественная правда, полная оптимизма оттого, что необорима вера в победу таких, как коммунист Ярослав. У него принял эстафету брат Роман и вернулся на Землю.

О драме «Фауст и смерть» надо писать подробно — и об удачах писателя, и о том, что не удалось, а такое тоже есть. Порою пьеса становится рациональной, рассудочной и тогда теряет драматический нерв. Не получились образы молодых героев, а один из них — Роман — призван сыграть в развитии действия очень большую роль.

Всемерной поддержки заслуживает Театр имени Заньковецкой, который первым поставил трудную и такую необычную пьесу. Спектакль во Львове смотрится с напряженным вниманием, режиссер Б. Тягно и художник М. Киприян в некоторых сценах достигли большого успеха. Однако, мне кажется, в этом первом представлении «Фауста и смерти» еще не раскрыты все возможности пьесы. Порой театр изменяет строгому, интеллектуальному строю драмы и сбивается на декламацию...

Но важнее всего другое: появилась талантливая драма, остро-современное содержание которой побудило писателя к поискам новой формы философской, романтической пьесы в стихах о нашем сегодня и завтра.

Поисками нового отмечена и комедия Александра Корнейчука «Над Днепром», которую привез на декаду Театр имени Франко. В этой вещи писатель ищет пути поэтического театра, не изменяя, однако, своим прочным пристрастиям к народной комедии, к сатире.

В спектакле, поставленном М. Крушельницким, есть хорошие, эпизоды. С силой крупного комизма написана и поставлена сцена величания председателя колхоза Македона Сома, этого «отца родного» для «своих» колхозников, а на самом деле человека с собственнической психологией. Очень современное и опасное явление заметили здесь писатель и театр, и громкая, сочная сатира, восходящая к высокому классическому фарсу, рождает живой и такой верный отклик зрителей: убиты смехом и Македон, и его приближенные Квак и Чапля, и незадачливый областной работник Гаврило Нечай. Хорошо играют актеры Н. Пишванов, И. Маркевич, А. Скибенко и особенно В. Дальский, который в роли Гаврилы, не произнесшего в этом эпизоде ни слова, сумел обнажить самое нутро труса, приспособленца, перестраховщика.

Эта сатирическая сцена разыграна на фоне вольного днепровского пейзажа, в окружении самых обыкновенных людей украинского села. И, пожалуй, только один человек как-то странно воспринял все это нелепое и

(Окончание на 4-й стр.)

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении драматурга Н. Ф. Погодина (Стукалова) орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в развитии советской драматургии и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить тов. **Погодина (Стукалова)** Николая Федоровича орденом **Ленина**.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. БРЕЖНЕВ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

Москва, Кремль.
15 ноября 1960 г.

Советский характер

ЧЕЛОВЕК ВОЮЕТ ПРОТИВ БОЛИ

ОБРАЩАЯСЬ к хирургу, вы с трепетом ждете его приговора, и когда он говорит, что операция неизбежна, вы думаете не только об ее исходе, о тех осложнениях, которые могут быть, нет, вы думаете прежде всего о боли. Будет больно...

То скачет, то тянется время, оставшееся до операции. И, наконец, этот момент настает: вас подвозят на коляске к операционной, вид которой, звяканье инструментов и запах лекарств заставляют напрячься. Вот вы замечаете на полу окровавленный тампон... Потом хирург подходит к вам... До последнего времени большинство операций, вплоть до самых сложных, делались под местной анестезией. Человек фактически присутствовал при своей операции, наблюдал или думал о тех манипуляциях, которые проделывал над его телом хирург. Пусть местная анестезия идеальна и вы не чувствуете разреза, но первая система — эта первая скрипка организма — звучит на самой верхней ноте — больно!! Вы считаете каждое мгновение, игла, и тампон, и, кажется, вид самой крови тоже причиняют боль. Хоть бы скорее! Все, что угодно, но только быстрее.

На какое страдание идешь для того, чтобы избавиться от болезни!

А если повторная операция?

...Я пришел к профессору И. С. Жорову, потому что узнал—он посвятил свою жизнь войне с болью. В руководимой им хирургической клинике больные имеют счастье не помнить, что было на операции.

Короткий седой ежик, острый взгляд карих глаз, широкие плечи, походка спортсмена — все в профессоре вызывает впечатление спокойного мужества. И с первого знакомства проникаешься уважением, симпатией и необъяснимым желанием глядеть на него.

Он стал профессором в 38 лет, когда был уже известен техникой, «школой» оперирования, которую прошел у хирургов-виртуозов П. А. Герцена и Н. Н. Бурденко. В начале Великой Отечественной войны он одним из первых хирургов 33-й армии за эффективные операции над тяжелораненными получил орден Красной Звезды.

Военные годы... Он запомнил их накрепко. 33-я армия генерал-лейтенанта Ефремова оказалась в окружении в одном из районов Смоленской области. Командующий дважды предлагал профессору Жорову, как главному хирургу армии, с последним самолетом вылететь из «ямы», однако хирург категорически отказался покинуть раненых. И хотя он болен, идет на прорыв в цепи бойцов, отложив скальпель и взяв в руки автомат.

Тяжело контуженный, он остался на оккупированной земле

Оккупированная земля... Он болен, он истощен, смертельно устал. Он кажется врагам неопасным... А между тем в домах местных жителей села Темкина все чаще появляется этот высокий, исхудавший кареглазый человек. Партизаны в ближайшем лесу узнают, что в Темкине сколачивается подпольная партийная организация, члены ее — Иван Цапкин, Виктор Прохоров, Мария Логунова, Юлия Гращенкова, Алексей Гусев... Партийная кличка руководителя — «Профессор»... Да, это был советский профессор Жоров.

Жила в этом человеке крылатая смелость, рожденная широтой и дерзостью души, питаемая внутренней убежденностью, что наш, советский, характер иным быть и не может. Из-под самого носа заподозрившего неладное врага он уходит в лес к партизанам... А там — снова действующая армия... Военный госпиталь, тяжкая, опасная работа.

И должно быть, именно в эти годы, когда ученый и солдат Жоров видел столько человеческих страданий, он и сделался активным врагом боли.

— Вам не будет больно!

Сколько лет он мечтал завоевать право на эти слова! Свою первую научную работу, посвященную борьбе с болью, Жоров написал еще в 1928 году. С тех пор профессор и его ученики глубоко интересовались этим вопросом и занимались исследованиями его вплоть до самой войны. После войны в клинике 1-го Московского медицинского института профессор делал тяжелые операции. Год от года операции становились сложнее и тоньше. Но боль, изворотливый и хитрый враг, вслед за ножом хирурга проникала в глубины оперируемого тела. Она проходила в те места, где бессилен новокаин. Обезболивание не успевало за болью.

Надо было искать новые наркотики, синтезировать яды, подобные страшному индейскому кураре, расслабляющему мышцы, проводить эксперименты,— словом, превратить войну с болью в свою профессию.

Когда мы спросили профессора, почему он этим занялся, он сказал:

— Я видел слишком много мучений. Мое глубокое, глубочайшее убеждение — человек не должен расплачиваться страданием за болезнь, а тем более за избавление от нее. Конечно, эта истина бесспорна для каждого хирурга, но для меня она особенно ярка... К тому же число больных, прошедших через мои руки, достигло пятизначной цифры.

Началось наступление на боль. Профессор И. С. Жоров, как и известные хирурги А. Н. Бакулев, П. А. Куприянов, Е. Н. Мешалкин, А. А. Вишневский, Ф. Г. Углов, помог создать в стране неизвестную раньше специальность — врача-анестезиолога, и на каждые 100 хирургических больных в стране появился такой врач. Профессор Жоров написал фундаментальный труд по всем видам обезболивания... Вы можете спросить его в любом книжном магазине — «Общее обезболивание в хирургии». В стране появились кафедры анестезиологии, научно-исследовательские лаборатории.

Молодой армии анестезиологов нужна была техника. Физиологи и инженеры были взяты в союзники, и с помощью учеников профессора создали сложные наркозные аппараты. Один из них — «УНА-1» превосходил зарубежные модели.

Профессор и его ученики, врачи-анестезиологи В. А. Михельсон, А. З. Маневич и А. М. Миланян, провели серию опытов, делали эксперименты на себе и помогли фармакологам создать сравнительно дешевый русский наркотик флюотан, который в два раза безвредней и в четыре раза мощней эфира. Затем клиника пополнила вооружение малоразработанными у нас до последнего времени циклопропаном и закисью азота. Оба газа могут предельно обезболивать при всех операциях.

Среди многих в разной степени сильных анестетиков профессор предложил особый «продолженный» раствор новокаина. Этот, так называемый дюрантный анестетик, снимает боль на 7 — 10 дней. Он идеален при лечении болезней, когда для больного единственное и главное — покой и отсутствие боли.

Маневрируя этими силами на операционном поле, человек заставил боль отступить. Но гордостью анестезиологии и последним достижением ее явился комбинированный и потенцированный наркоз. Это сложный набор наркотиков, откуда анестезиолог берет на выбор те, которые необходимы конкретной операции, конкретному больному в зависимости от состояния его здоровья. Комбинации бывают очень сложны, и наркотики, взятые в определенном соотношении, усиливают — потенцируют один другого. Боль не выдерживает мощного наступления сильного и разнообразного противника и стремительно отступает.

— Что вы чувствовали при операции?—спросили мы молодого рабочего Виктора Неретина: ему неделю назад удаляли часть левого легкого. Виктор подумал:

— Я чувствовал руки хирурга, которые пожимал по окончании операции.

Да, боль ушла. Ушла совсем, но не навсегда. Иногда она еще возвращается назад. Она цепко крадется по самым чутким тканям и в решающий момент операции внезапно поражает больного шоком.

И вот профессор и его ученики буквально сейчас, в эти дни, приступают к экспериментальной борьбе с этим последним, редким, но страшным и внезапным выражением боли.

В войне с болью у профессора и его учеников много союзников на всей земле. На встрече с анестезиологами различных стран в Германии профессор Жоров сказал:

«Вот тут присутствуют ученые Люксембурга и Америки, Советского Союза и Голландии, ученые из других малых и больших стран. Независимо от величины и силы государств, от их политической позиции, они прислали сюда анестезиологов, потому что везде люди еще страдают под ножом хирурга. И если ученый находит средство противостоит мучений, это средство принадлежит людям, а не странам, потому что у нас, анестезиологов, один враг — боль и смерть от боли!»

И. С. Жоров — по профессии хирург, и это гуманно, он хирург-анестезиолог — и это гуманно вдвойне, он советский хирург, и это объясняет природу его гуманизма. Недавно в Советский Союз приехал один из самых именитых людей Англии, лорд, виднейший анестезиолог мира Роберт Макинтош. Он интересовался работой клиники «этого советского профессора» Жорова. В то же время он хотел посмотреть, как в Советском Союзе лечат рабочих. Клиника Жорова обслуживала как раз рабочих крупнейших заводов. Два маститых врача в первую очередь прошли в операционную. Они взглянули на больного, лежащего на столе, друг на друга, и, не сговариваясь, попросили халаты и маски — оперировать. Макинтош анестезировал, а Жоров делал операцию.

— Специалист, который создал такой аппарат для наркоза, — сказал Макинтош после операции, — был бы в большом почете в Англии. — Он задумался: — Вы работаете для таких людей, как этот?.. — Он кивнул на рабочего, лежащего на столе.

Жоров утвердительно кивнул:

— Именно для таких...

То, что увидел и узнал Роберт Макинтош за дни, проведенные с Жоровым, поразило его своей справедливостью и гуманизмом.

Прощаясь, он пристально поглядел на профессора и сказал:

— Ни премьер, ни война — ничто в мире не сможет заставить меня стрелять в вас.

А. МИДЛЕР

«Гопак» в исполнении артистов Государственного заслуженного ансамбля танца Украинской ССР под руководством Павла Вирского. Фото М. Трахмана

ФЕЛЬЕТОН

Эдик

Леонид ЛИХОДЕЕВ

СРЕДИ многочисленных опытов выработки условного рефлекса, между прочим, имеется один, о котором следует рассказать в начале фельетона. Это придаст фельетону особую научную доказательность.

Берется обыкновенная собачка — эта могучая опора физиологических исследований — и помещается перед рисунком круга. Под рисунком ставят миску с едой. Собачка ест и смотрит на круг. Ее кормят только при виде этого рисунка, и она настолько привыкает к нему, что перестает представлять себе, как это можно есть, не видя перед собою знакомого изображения.

Поэтому, когда ей показывают только рисунок круга, не приправляя его обедом, завтраком или ужином, она все равно радуется своей исключительной догадливости...

Ей показывали треугольники и параллелограммы, трапеции и ромбы, ей показывали квадраты и многоугольники. Она поглядывала на них с глубокой иронией и всем своим видом давала понять, что ее не проведешь. Даже эллипс — этот двоюродный брат круга — вызывал у нее только деликатное помахивание хвостом.

Круг, единый только круг стал надежной опорой ее представлений о жизни. Если показали круг,— значит дадут есть. Разве этого недостаточно для безмятежного бытия?

Так был выработан этот условный рефлекс. И когда он был выработан, когда только круг сделался дубликатом житейской мудрости, когда ни одна геометрическая фигура не могла уже сбить с толку,— ей показали овал.

Овал — это круг-переросток. Он очень похож на круг. Он таит в себе все внешние признаки круга. Но все-таки это не круг...

— Круг или не круг — вот в чем вопрос! — мелькнуло в ее воспаленном мозгу. У нее началось раздвоение личности. Она заметалась в поисках истины.

И, не найдя ответа, сошла с ума...

Вы уже догадались, дорогой читатель, что я пересказываю опыт академика Павлова, потому что хочу прикрыться авторитетом великого ученого, выражая собственные мысли. Эти мысли посещают меня всякий раз, когда, привыкший к житейскому кругу, я вдруг обнаруживаю, что действительность подсовывает мне неожиданный овал, и я начинаю теряться в мучительных догадках. Впрочем, это происходит не только со мной. Не только у меня катаются привычные круги перед глазами.

Представьте себе следующую картину.

Шестеро молодых людей — три пары — около часу ночи садятся в такси. На ребятах пресловутые узкие брюки, на девушках не менее пресловутые яркие платья. Они весело разговаривают и называют друг друга Роберт, Эдик, Стасик, Элла, Мэри и Аллочка.

Смотрите сами, дорогой читатель, сколько неопровержимых улик свидетельствует о том, что эти молодые люди позорят звание молодого советского человека. Во-первых, узкие брюки и яркие платья. Это — раз. Во-вторых, час ночи и такси. Это — два. И наконец имена! Это же кошмар, а не имена! В каком фельетоне дармоеда зовут не Эдик и не Стасик? В каком глубокомысленном воспитательном сочинении бездельница именуется не Эллочкой и не Мэри?

Именно так и считал находившийся неподалеку от этих отвратительных носителей узких брюк мелкобуржуазных имен, а заодно и чуждой морали геройский патруль. Он, естественно, не мог не пресечь на месте гнусное разложение отдельной части молодежи. Он запихнул мерзких типов в машину, носящую кондитерское название «раковая шейка», и грозно перевез их через дорогу в отделение милиции.

И тут коварная действительность стала выходить из рамок привычного круга с явной тенденцией превратиться в овал.

Во-первых, от мелкобуржуазных носителей почему-то не пахло водкой. Это, конечно, настораживало. Ни в одном воспитательном фельетоне эдики не бывают трезвыми. Во-вторых, указанные носители вели себя терпеливо и никто из них не угрожал расправой со стороны своего могучего ответственного папы. А в каком сочинении такое бывает? И, в-третьих, при великом сотворении протокола выяснилось, что Элла — архитектор, Эдик — специалист по японскому языку, а Стасик — вообще черт-те что: мало того, что он мастер спорта и чемпион одной из республик, он, видите ли, еще и депутат горсовета...

Это был уже полный овал.

Конечно, и архитекторы, и специалисты по японскому языку, и даже мастера спорта иногда, в отдельных случаях, могут позволять себе нехорошее поведение. Но в данном случае даже головы, не наполненные ничем, кроме чрезмерного рвения, сообразили, что проклятые узкие брюки завели их слишком далеко. Они сообразили, что произошло кошмарное раздвоение формы и содержания.

Итак, фельетон начинает приобретать форму привычного круга. Он начинает трактовать вопросы перегибов. Вероятно, в этом самом месте носители узких брюк, которые под влиянием этих перегибов давно уже возвели себя в ранг великомучеников, начинают ликовать в предчувствии торжества справедливости. Но, дорогой читатель! Великомученичество всегда возникает в результате перегибов на местах. Приходится удивляться, как это до сих пор в результате отдельных, мягко говоря, не слишком умных методов борьбы с брючной идеологией пижоны еще не додумались носить терновые венчики...

Как видите, дорогой читатель, фельетон начинался с обычного круга. Ошиблись отдельные представители милиции в отдельном конкретном случае. А почему ошиблись?

А от косности, дорогой читатель. От привычки не видеть за формою содержания. Было бы очень просто служить, если бы нехорошие люди носили особую форму. Может быть, даже с лычками. Скажем, тунеядец первой статьи. Или хулиган второго ранга. А то еще хам третьей категории. Все было бы просто. А то ведь черт-те что получается. Я сам видел комсомольского секретаря в модном костюме. И, знаете, оказался дельным парнем, несмотря на остроносые ботинки!

И все-таки этот фельетон не о случайной ошибке отдельных представителей эдиского отделения милиции. Это фельетон о привычке, о той самой привычке, которая очень похвальна, когда касается чистки зубов и мытья рук, и очень вредна, когда оберегает человека от необходимости рассуждать.

Это не так безобидно, как может показаться. Стремление к безмятежному, бездумному бытию порождает не только служебную ошибку. Оно охраняет и бездействие, и пошлость, и воинствующее невежество.

На днях в редакцию пришло письмо от одного очень немолодого читателя. Читателю не понравились заметка о театральном художнике Н. А. Бенуа и фотография эскиза его декорации к «Борису Годунову», опубликованные в нашей газете.

Он пишет: «Приходится с горечью констатировать далеко не антирелигиозное произведение хотя бы и по части встречи с художником. Можно было бы портрет Николая Александровича, конечно не Романова, а какого-то Бенуа (видимо, иностранца все же) поместить». И еще: «Прошу поместить мой отзыв о работе «Литературной газеты» и предложение перестроить ее или закрыть совершенно».

Видите как? А почему? А потому, что густое, наваристое невежество этого читателя поставлено им в степень непререкаемой истины. Для него все просто. Раз нерусская фамилия — значит иностранец. Раз иностранец — значит контрреволюционер. Церкви рисует, сукин сын. Какого-то Бориса Годунова прославляет.

«Что тут относится к коммунизму?» — спрашивает сердитый читатель.

Как видите, у него уже все заранее отработано. Готовый, замкнутый круг.

А тут газета подсунула овал.

Да полноте! Коммунизм ли он оберегает? Нет. Он оберегает свою упрямую ограниченность, а коммунизмом несовместимую.

Как видите, дорогой читатель, искусство, история своего народа, творение своего национального поэта для нашего адресата не имеют значения. Он невежествен и зол. И считает себя патриотом только на основании своего невежества.

Нелюбопытная лень — самое тяжелое наследие прошлого — катается у нас под ногами.

Много веков научные работники эпохи феодализма сочиняли диссертации о том, что Солнце крутится вокруг Земли. Эти диссертации переписывались по стотысячному разу, но все они считались новаторскими потому, что не выходили из привычного круга представлений. Когда же Коперник показал им овал, они обиделись. Согласитесь,— очень обидно нарушать свое установившееся пищеварение по требованию первого встречного нахала. И несмотря на это, овал Коперника восторжествовал. Это доказывает простую истину, что новое в борьбе со старым в конце концов побеждает.

Да и зачем ходить в такую даль? Были же и в наши дни знатоки, которые утверждали, что, например, кукуруза не может расти на тех местах, где она сегодня прекрасно растет...

Недавно один профессор опубликовал результаты своего многолетнего труда, над которым он работал в одиночку, вне связи с научными институтами. Этим самым профессор подсовывал явный овал: можно ли в одиночку не по своей номенклатурной специальности выдумать нечто, ни в какие порталы не лезущее!

Кстати, сугубым индивидуалистом он стал после того, как ему вместе со всеми его идеями еще вначале с ходу дали поворот от этих самых порталов.

Но что особенно потрясло воображение: лабораторию свою он выстроил на собственный счет и не требовал от государства авансов под свою завтрашнюю гениальность. А это, знаете, выглядит кое для кого сущим овалом.

А тем не менее в лаборатории, построенной на собственный счет, даже если в ней не открыто ничего потрясающего, гораздо больше коммунистического смысла, чем в той казенной лаборатории, в которой переливают из пустого в порожнее...

Мы вступаем в пору непрерывных «овалов». Каждый миг таит в себе новое открытие, заставляющее в лучшем случае чесать затылки и разрушать условные рефлексы. Это — отличная пора!

И если бы некоторых из нас не гипнотизировал привычный круг, мы избавились бы от множества пустяков, которые возводятся в степень проблемы. Загипнотизированная кругом личность не хочет овала. Она не знает, что делать с овалом. Она хочет спокойно выделять слюну и тщательно разжевывать пищу. И поэтому создает проблемы из сущей ерунды.

А овалы выкатываются, как бубliки из рога изобилия.

Почему яркая одежда — нескромно, а тусклая — скромно?

Почему общеизвестную мысль нужно выражать только общеизвестными словами?

Почему то, чего ты не знаешь, заранее считается ересью?

Сто тысяч «почему» впиваются в мое сердце крючьями вопросительных знаков. Это очень больно, когда крючья впиваются в сердце. Но это та самая боль, ради которой и стоит жить на свете. Представляете, какое это блаженство — выдернуть из сердца очередной крюк?

Лет пять назад в одном колхозе завалили мечту председателя построить на месте дедовских изб городской поселок. В колхозе было все — деньги, стройматериалы, умелые руки. Но все это было поражено засорузлой привычкой жить по старинке и не видеть ничего дальше вожделенной пятистенки без удобств. Вчера я разговаривал с этим председателем, дорогой читатель. У него был вид человека, который выздоровел от смертельной болезни. Он выдернул из сердца крюк: колхоз постановил строить поселок. С канализацией. С водопроводом. С асфальтированными дорогами. И без предрассудков.

О, этот предрассудок! Нельзя, недостойно человека ставить предрассудок в основу своих представлений о жизни. Нельзя, стыдно руководствоваться привычкой, условным рефлексом, пережитком. Нельзя объявлять это истиной в окончательной степени...

ИЗ КНИГИ «ПРИКЛЮЧЕНИЙ НЕ БУДЕТ»

В ДРУГОМ ВОЗРАСТЕ

Валентин БЕРЕСТОВ

1. Не замечаешь, что прошло одиннадцать лет с тех пор, как я впервые оказался в этой среде, с теми же товарищами, в такой же палатке. Люди одного поколения, мы взрослеем — или, как мы пока еще в шутку говорим, старимся—одновременно. Отношения, которые когда-то сложились между нами, сильнее возраста. В этом секрет затянувшейся юности «старых хоремзийцев» (так мы себя называем).

Кажется, что все окружающее — уже не внешний, а внутренний мир, что палатки, и крепости, и пески на горизонте встают из воспоминаний.

Возраст есть возраст. И вот в заповедник нашей юности вошли дети.

Четыре года назад при свете луны я поймал на стене Беркут-Калы ежика. Бедняга, пугая меня, шипел, пыхтел, топорщил иглы. Но я взял его и понес в лагерь, чтобы позабавить товарищей. Ежи и раньше часто жили у нас.

Теплое существо с мягким белым брюшком, длинными ушами и блестящими черными глазками дрожало от страха у меня на ладони... Эх, не мне бы смотреть на него, а моей двухлетней дочке! Я отпустил ежика.

2. Тогда же ко мне на замок стали приходить маленькие чабаны. Они, должно быть, разгадали во мне причастного их миру человека.

О приходе ребятишек возвещали черные мохнатые козлята. Не в пример своей смирной стриженой маме, они лихо вскакивали на стены, на уступы, на груды отвала. Ребятишки криками прогоняли их вниз и тихо усаживались рядом со мной. Они приветствовали меня традиционным: хорманг! (не устал вай!).

Это были четыре друга: Кадыр — маленький араб, Худайберген — узбек, Нурумбет и Ара-Султан — туркмены. Сидя на корточках, ребята внимательно следили за моей работой. Я давал им потрогать красные и черные черепки, круглые плоские пряслица — грузики для веретен. Иногда они по очереди брали лопату и выбрасывали землю, стараясь кинуть как можно дальше и выше и поднимая при этом страшную пыль. Попросить у меня нож или кисточку ребята долго не решались.

Однажды они привели с собой девочку-казашку, в малиновом платьице, с круглым, как луна, и очень серьезным лицом. Звали ее Ай-Слу. Ребята почтительно предоставили ей лучшее место, рядом со мной. Ай-Слу умными глазками изучала мои операции, быстро разобралась что к чему, и взяла у меня кисточку.

— Круглая отличница, — с уважением объяснили ребята. На этом основании Ай-Слу считала, что имеет полное право производить наравне со мной археологические раскопки. Чтобы у меня не осталось никаких сомнений, она по-русски, с великолепным произношением, сообщила, что называется сложноподчиненным предложением и процитировала стихи Маяковского «Кем быть?». В педагогических целях я разговаривал с ней подчеркнуто серьезно. Мне хотелось, чтобы каждый из ребят чувствовал, как много значит быть круглым отличником.

3. Замок был обитаем. В трещинах между пахсовыми блоками жили ящерицы. В гнездах для балок, оставшихся на уровне второго и третьего этажей, поселились звонкие серые пичуги. Тут же, над раскопанной комнатой, квартировала сова. Каждое утро я находил у стены следы ее ночного пиршества: хвост тушканчика или крылышко птицы. Я не убирал их до прихода ребят. Те первым делом интересовались, какое меню на этот раз было у совы.

Ребята объяснили, что сову называют «бай-оглы» — сын бая. За жадность и злобу богатый юноша был превращен в ночную птицу.

Как-то мы увидели сову средь бела дня. В клюве она держала птичку. А другие пичуги как ни в чем не бывало весело щебетали рядом со своим врагом. Ребята вооружились комками глины (в этих местах, между прочим, нет ни одного камешка). Я думал, что они хотят прогнать зловещего «сына бая», погубившего птичку. Вот и нет. Мальчишки закидали комками веселых пичужек, а сову поначалу ухитрились даже не спугнуть. Сельские дети ценят птиц по заслугам: звонкие птахи воруют зерно и должны быть наказаны, а сова уничтожает грызунов, и потому к ней относятся с уважением...

Однажды счастливый Кадыр пришел ко мне на замок, чтобы показать новорожденного каракулевого барашка. Барашек лежал у него на коленях, как котенок, а ребята с пониманием дела осторожно трогали кудрявую с серебряным отливом шкурку.

— Смотрите! — рассмеялась Ай-Слу. — Он думает, его гладят за то, что он очень умный. А морда глупая-глупая!

Как-то архитектор рисовал наш замок. Ребята не дыша стояли за его спиной. Архитектор мимоходом изобразил ишака, случайно оказавшегося в поле зрения. Вдруг ишак тронулся в путь, и ребятишек как ветром сдуло. Спустя некоторое время они вернулись, таща упирающегося ишака на прежнее место.

Как и все нынешние ребята, они любят технику, мечтают стать шоферами, трактористами, экскаваторщиками. Только Ай-Слу собирается стать учительницей.

4. Ай-Слу жила в домике по соседству с замком. Иногда я заходил туда напиться. Старуха-бабка всякий раз предлагала мне лепешку и чай. Мне всегда было некогда. Но из уважения к хозяйке я отковыривал символическую крошку хлеба (по обычаю от хлеба отказываться нельзя) и запивал ее стаканом воды. Он был особенно сладок, этот стакан воды, в полутьме передней, где у одной стены стоял теленок, а у другой — велосипед. Ай-Слу в своем длинном малиновом платьице ждала, пока я напьюсь, а старуха в глубине дома скрипучим голосом баюкала, малыша.

Когда кончились раскопки и нужно было уезжать, мне захотелось на прощанье напиться воды в этом домике.

Я вошел и услышал в глубине дома знакомый скипучий голос. Никто не отозвался. Я прошел туда, где качалась люлька, подвешенная к потолку. Старухи не было. Стоя на коленях, круглая отличница Ай-Слу качала бешик и старательно воспроизводила каждую интонацию надтреснутого старушечьего голоса. Видно, она считала, что настоящую колыбельную можно петь только так.

Ай-Слу выбежала, привела старуху. Та начала стелить на кошме дастархан. Но мне опять было некогда. Я напился, пожал руки обеим хозяйкам. Старуха посмотрела на меня с тем же печальным оживлением, с каким я смотрел на Ай-Слу, и сказала только одно слово: болам (сынок).

5. Когда рабочие ведут отвал и густая пыль мешает нам орудовать ножами и кисточками или когда мы не торопимся разойтись по палаткам после ужина, то обычно идут воспоминания о прежних раскопках. Но все чаще эти воспоминания отходят на задний план, уступая место разговорам о наших дочерях: двух Наденьках, Кате и Маринке.

Удивительно забавный народ! Вот, скажем, Надя младшая. Ее строгий папа за обедом читал газету. Наденька тем временем накрошила бумаги в стакан с молоком. — Что ты делаешь? — удивился отец, оторвавшись от газеты. — Надя-маленькая, — послышался укоряющий голосок. — За ней надо смотреть.

А Маринка рассказала своим куклам такую сказку:

«Идет козел. Без головы, без ног, без глаз, без хвоста.

— Козел, козел, что с тобой?

— Меня волк съел!»

Не так ли у первобытного человека зарождалось представление о душе?

Все мы, Оля, Юра, Рюрик и я, — очень строгие родители и совсем не собираемся восхищаться своими детьми. Даже здесь, на огромном расстоянии от дома, мы боимся их этим избаловать.

Мы перебиваем друг друга, соревнуясь в объективности.

— Моя, злодейка, любит покапризничать.

— Моя, разбойница, все время поет, хотя у нее совсем нет слуха.

— А моя, лентяйка, знает все буквы, но читать ее не заставишь.

Все это высказывается самым суровым и беспощадным тоном.

6. И снова под нашими руками появляются вещи тысячелетней давности, остатки забытого мира.

Особенно трогает нас то, чего касались когда-то пальчики детей. Вот Рюрик осторожно извлекает какой-то деревянный кружок с двумя отверстиями — в центре и сбоку. Этой находке обрадовался посетивший нас председатель Турткульского райисполкома Сеитниязов:

— Точная копия жернова. Наверное, игрушка. Очень ценная вещь!

А вот крохотный лепной кухонный горшок. Такая же форма, такая же круглая ручка у венчика, так же закопчен, как настоящий. В нем дети варили пищу для своих кукол. Раньше, в юности, подобные находки только забавляли нас. Но теперь...

Как жили эти ребятишки здесь, за стенами замка, где все было проникнуто тревожным ожиданием неизбежного нашествия?

Может, именно из-за них стены стали на сколько-то метров выше, а башни еще дальше выступили за пределы стен?

70 лет со дня рождения Л. М. Квитко

Литературная общественность Москвы отметила 70-летие со дня рождения Льва Моисеевича Квитко.

11 ноября в Центральном Доме литераторов состоялся вечер, посвященный поэту. Председательствовал на вечере Л. Кассиль. С воспоминаниями о Квитко выступали К. Чуковский, А. Барто, А. Барглис, С. Михалков, М. Светлов и другие. Были оглашены поздравительные телеграммы — от С. Маршака, П. Тычины, от Союза немецких писателей.

Ал. СУРКОВ

ГОЛОС ПОЭТА

УКРАИНСКАЯ ПОЭЗИЯ!

В далекие отроческие годы она наполнила и взволновала мое сердце певучими, волнующими, рождающими светлое чувство любви к Украине строками стихов великого Тараса. Всю силу своей неисчерпаемой любви и своей испепеляющей ненависти обрушил он на мою молодую душу. В его певучих строках, как и в строках моего великого земляка Николая Некрасова, нашлись ответы на все мучительные вопросы моей трудной юности.

Вслед за Тарасом Шевченко, уже взрослым человеком, узнал и полюбил я трепетную лирику Леси Украинки и чеканный, разящий гневом и зовущий гражданский стих Ивана Франко.

Стихи Леси Украинки и Ивана Франко всегда сливаются в моей памяти со строками двух старших, подлинно народных поэтов Советской Украины, двух почти ровесников, одинаково раздумчивых, одинаково зачарованных неисчерпаемой музыкой речи родного языка, одинаково лиричных и публицистичных, но всегда неповторимо индивидуальных Павло Тычины и Максима Рыльского.

На перепутье между этими патриархами современной украинской поэзии и такими лириками, как всегда взволнованный, уходящий корнями своей напевности в стихию народной песни Андрей Малышко или умный, стремящийся вглядеться в каждое явление жизни и выразить его в пластическом поэтическом образе Леонид Первомайский, встает передо мной фигура Миколы Бажана. Уже три с половиной десятилетия занимает он свое, особое место на многоцветной карте богатой творческими индивидуальностями украинской советской поэзии.

Вот передо мной маленькая книжечка «Вибрані поезії», изданная в 1932 году украинским издательством «Рух».

Из нее мне, редактору второй книжки русских переводов Миколы Бажана, предстояло отобрать стихи, чтобы познакомить русского любителя стиха с новым именем украинской литературы, присоединить это имя к уже знакомым именам Тычины, Рыльского, Сосюры.

Больше чем через четверть века я страницу за страницей перечитываю теперь строки этой книги, вобравшей в себя отобранные самим поэтом стихи из его первых книг «Семнадцатый патруль», «Резная тень», «Строения».

Вчитываясь заново, я заново понимаю, почему так настойчиво покойный Эдуард Багрицкий советовал мне заняться редактированием стихов Бажана. Разные, друг на друга не похожие, Бажан и Багрицкий перекликались друг с другом и своим пристрастием к обостренно биологическим образам, и напряженной до предела романтико-лирической интонацией, и, пожалуй, не изжитым к тому времени ни тем ни другим пафосом непреодоленной поэтической начитанности.

Читаешь написанную сильным, ни на что в тогдашней украинской литературе не похожим стихом «Ночь Гофмана», «Гетто в Умани», послесловие про Достоевского, про Гамлета, про двойника и другие подобные им стихотворения и маленькие поэмы первых книг Бажана и видишь, как большой, свежий, своеобразный поэтический талант упорно старается пробить каменную скорлупу книжности. Чувствуешь, как поэт стремится вырваться на широкий простор жизни, на простор великой борьбы, которая была победоносно начата в октябре 1917 года и до самых потаенных глубин всколыхнула жизнь всех народов бывшей Российской империи, в том числе и родного поэту украинского народа.

Но уже в послесловии, где довольно примитивно, я бы сказал, по-мальчишески, истолкованы великие образы творений Шекспира и Достоевского, как предисловие к будущим книгам поэта звучат строки:

Вот снайперы крепко засели на башне,—
На башне стихов из слоновой кости.
Поэмы стреляют.
Мечтатель вчерашний, —
В кого они целят, и что им спасти?
Жандармы и молодые поэтики,
Бок о бок в святых крестоносных полках,
Прошли краткосрочные курсы эстетики
Погромов Петлюры и кар Колчака.
Возьмите ж за горло блужданья по вечности!
Рассейте дурманы гуманных молитв!
Вот истина ленинской человечности —
Огромная истина классовых битв.

И, заканчивая стихотворение, поэт говорит:

И встаньте в шеренги, где каждый рабочий
И каждый вспотевший в боях рудокоп
Смотреть вас научит опасностям в очи.
Научит вас целить без промаха в лоб.

Строки эти написаны в годы великого перелома в судьбе нашей интеллигенции. Они показывают, что поэт навсегда и твердо определил свое место в строю противоборствующих сил, проголосовал сердцем и строкой за Ленина, за жизнь, за борьбу, за будущее.

Чувство глубокого и горячего советского патриотизма пронизывает все стихи Миколы Бажана, написанные в тридцатых годах. Оно звучит и в его поэме «Бессмертие», где воссоздан образ замечательного большевика С. М. Кирова, и в поэмах «Отцы и сыновья» и «Мать», и в циклах стихов.

Поэт не отводит взора от действительности, а идет ей навстречу. Он много ездит по стране, по братским республикам, внимательно вглядывается в жизнь и откликается на увиденное и перечувствованное стихами яркими и самобытными, звучащими как гимн интернациональному братству трудящихся под красным знаменем Союза Советов, гимн неразрывной слитности судьбы и культуры братских народов:

Сквозь речь колхозника соединяясь с краем,
На сотнях языков рождалась песня вновь,
Где строфам Пушкина, Гафизовым рубаям,
Шевченковым словам достойно мы слагаем
Навеки данные нам братство и любовь.

Оригинальную творческую работу Бажан сочетает с огромной по размаху талантливой и яркой работой переводчика стихов классиков братских народов и современных советских поэтов. Знатоки и ценители утверждают, что перевод бессмертной поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», сделанный Миколой Бажаном,—это самый сильный и совершенный из переводов поэмы великого грузина на языки народов СССР.

Высоким совершенством и безупречной артистичностью отмечены сделанные Бажаном переводы произведений Пушкина и Маяковского. Навои и Гурамишвили, так же как и переводы современных поэтов братских народов.

В годы Великой Отечественной войны, как никогда, возмужал и окреп голос Миколы Бажана, пламенного гражданского лирика. Достаточно перечитать его стихи тех лет, вошедшие в книги «Гнев отчизны» и «Дни войны», перечитать его «Сталинградскую тетрадь» или поэму «Даниил Галицкий», чтобы почувствовать меру возмужания лирического голоса поэта.

Окончилась война. Украинские поэты сменили просоленные потом гимнастерки на скромные штатские пиджаки. Началась богатая творческими урожаями полоса развития советской украинской литературы.

За послевоенные годы из-под пера Бажана вышли такие книги, как «Английские впечатления», «У Спасской башни», «Мицкевич в Одессе», нашедшие широкого читателя на Украине и завоевавшие внимание сотен тысяч читателей во всех уголках нашей страны.

Своими «Английскими впечатлениями» Микола Бажан вместе с Николаем Тихоновым, Константином Симоновым, Андреем Малышко стал зачинателем разработки важнейшей в послевоенные годы интернациональной темы. Двумя другими книгами он, на новой основе, углубляя и расширяя, вновь и вновь возвращался к давно облюбованным им темам советского патриотизма, единения народов Советского Союза вокруг ленинской партии, темам преемственности культурных традиций.

За самые последние годы мне, выполняя поручения писательского коллектива, пришлось неоднократно бывать с Миколой Бажаном в Италии, где закладывались первые камни в фундамент Сообщества европейских писателей.

На моих глазах зародились и вылились на бумагу первые циклы еще не законченной будущей книги стихов Бажана, в которой Италия будет, очевидно, занимать ведущее место.

Читая и переводя стихи циклов «В Сардинии» и «Сицилиана», я с особой силой почувствовал, держа в памяти строки первых заграничных стихов Бажана, как непрерывно обогащается красками и оттенками его лирическая палитра, как углубляется и обостряется его наблюдательность, как он, вслед за Маяковским, учится безошибочно разглядывать под мишурной внешностью капиталистического мира все расширяющуюся трещину между благополучием сытых и безысходным трагизмом голодных и обездоленных.

Этим ощущением проникнуты взволнованные строки сардинских стихов:

Как жадно ожидаемого внука,
Сардинского мальчонку поднял я
И ощутил,
что эта вот земля
И вся толпа бедна и чернорука.
Они во мне
как край мой,
как семья,
И в моем порыве
и в моей печали...

Неразрывной слитностью дум и душевных движений советского поэта веет от каждой строки стихов, посвященных рудокопам сардинских шахт, обездоленным, униженным, голодным батракам Сицилии, трудолюбивым и простодушным крестьянам - виноградарям и рыбакам. С беспощадным реализмом вскрывая всю беспросветную сть жизни безработных шахтеров, голодное существование итальянского батрака или рыбака, Бажан за сегодняшними горестями и бедами улавливает музыку будущего. Итальянские циклы стихов Миколы Бажана показывают, что поэт от книги к книге, от цикла к циклу идет в гору, тщательно отшлифовывая свой, уже в первой книге проблеснувший золотым самородком поэтический дар, юношески острым глазом вглядываясь в окружающую его жизнь, раскрывает все новые и новые грани своего таланта.

И сейчас, когда наши друзья, украинские поэты, стоят перед лицом московских читателей, хочется пожелать одному из признанных колонновожатых украинской и всей советской поэзии Миколе Платоновичу Бажану, чтобы во всех его будущих стихах звучало то, о чем написал он, размышляя о классической красоте древнего эллинского храма, возвышающегося над выжженными плато Сицилии:

Верь, будто храм мне этот говорит,
В труд человека — мир на нем стоит
В нем красоты бессмертной проявленья.
Лишь труд людской достоин прославленья!

Натан Рыбак

Женщина с фиалками

«ПОРА НАДЕЖД И СВЕРШЕНИЙ» — роман о нашей современности. Его герои — советские люди: ученые, студенты, молодые научные работники, рабочие, офицеры Советской Армии. Роман рассказывает о борьбе нашего народа за торжество дела мира, за то, чтобы атомная энергия служила мирным целям.

В романе рассказывается и о судьбе ученых, работающих в условиях капиталистического общества, о том, как было создано и бесчеловечно использовано в конце второй мировой войны атомное оружие.

Киевское издательство «Радянський письменник» выпустило роман и декаде украинской литературы и искусства в Москве. На русском языке в переводе Бор. Тургенова роман выйдет в издательстве «Советский писатель».

Мы публикуем с некоторыми сокращениями отрывок из заключительной главы романа.

В ЗАЛЕ Плейель напряженная тишина. Фредерик Жолио-Кюри открыл конгресс.

— Правда путешествует без виз, — сказал Жолио-Кюри.

Микрофоны повторили эти слова на разных языках. Эти слова услышали в Праге люди, которых не пустили во Францию. Через день эти слова будет повторять весь мир.

Правда путешествовала без виз. Она прокладывала себе путь сквозь шквалы огня и металла под Сталинградом. Максим Нерчин видел ее суровый облик в ту незабываемую ночь, когда он с автоматом в руках выскочил на бруствер окопа и немецкий солдат, подняв руки, залепетал:

— Гитлер капут...

Вдумчивое лицо этой мудрой правды видел Фредерик Жолио-Кюри, когда сказал:

— Мы, ученые, еще создадим для мира немало хорошего.

Негр из Алабамы увидел правду в то мгновение, когда делегат конгресса — человек из Москвы, сталевар Бережков, пожал ему руку и по-братски обнял.

Правда стояла рядом — плечом в плечо — с доктором Чарльзом Томасом, когда он на все настойчивые вопросы в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности отвечал одно:

«Вы не Америка. Вас жалкая кучка. Американцев миллионы. Они не хотят войны. И вы не принудите меня работать на войну».

Леон Фительберг повидал правду в суровые дни изгнания. Правда сказала ему: — Возвращайся в Германию, которая поднимается из пепла и руин, в Германию, которая удержала в своем сердце память о Тельмане и Либкнехте.

— Правда победит, — провозгласил когда-то из пламени костра чешский патриот Ян Гус, и Рудольф Румлер повторил эти слова в тот день, когда заботливые, дружеские руки вырвали его из объятий смерти и возвратили к жизни, — теперь он хотел жить и работать во имя утверждения правды.

Партизан из Италии жал руку академику Вергасову и непрестанно повторял:

— Правда — Москва, Москва — правда,—а потом добавил: — Мир!

. . . . . .

Жолио-Кюри говорил:

— Один народ, отдельный человек не в состоянии оградить себя от горя войны. Только совместные усилия народов всех стран дадут возможность достигнуть этой светлой цели... Смелость и еще раз смелость! Мы сумели объединиться сейчас. Через год нас будет еще больше. Мы сумели понять друг друга. Мы высказали и подтвердили свою готовность и решимость выиграть битву за мир, битву за жизнь.

Во время перерыва к Нерчину подошла девушка в белом свитере. Откинув резким движением белый локон со лба и приятно улыбнувшись, радостно проговорила:

— Герр гауптман!

Нерчин удивленно огляделся. Рядом с ним стоял индиец в гражданском. Где же капитан, к которому обращалась девушка?

— Герр гауптман, — повторила она, — вы меня не узнаете? Вилла «Урсула», Потсдам. Это вам должно напомнить...

— Ирма! — Максим обеими руками схватил руку девушки.

— Ирма Румлер, — повторил он взволнованно, — вы тут. Как хорошо!

— Здесь и мой отец, — сказала Ирма, — он хочет видеть вас.

Максиму вспомнилось загадочное покушение на жизнь Румлера, — об этом писали в газетах.

— Пойдемте быстрее к нему, — заторопил Нерчин.

Румлер ждал их в холле и поспешил навстречу. Правая его рука лежала на перевязи. Он поздоровался.

— Вот мы и встретились, герр Румлер, — радостно сказал Нерчин.

— Мы не только встретились, герр гауптман, мы теперь вместе.

На впалых, бледных щеках Румлера заиграл румянец. Видно, многое из прошлого встало в это мгновение перед ним, так много, что он не мог высказать всего этого сразу.

— Фройндшафт, фройндшафт — вот что нам необходимо сейчас, — скороговоркой твердил Румлер. — И никаких атомных бомб, никаких.

— Я верил, — сказал Максим, — верил в ваш честный ум, герр Румлер.

Резко зазвонил звонок. Делегаты конгресса заспешили в зал. Румлер, поддерживаемый Ирмой и Максимом, заторопился тоже. В дверях они разминулись. Но теперь Максим знал, что ненадолго. Он проводил их взглядом. Ирма помахала ему рукой.

Когда на второй день вечером Максим увидел стадион Буффало, ему показалось, что здесь присутствуют люди всего земного шара.. На длинных трибунах лицом к ним стояли сотни делегатов конгресса.

Слово «мир» — над стадионом. Его скандировали на всех языках. Голуби мира — живые и рисованные — властвовали в небе.

Когда Максиму сказали, что его просят выступить, он стушевался. Шульга подбадривал Нерчина, придерживая его под локоть. Глаза Шульги будто говорили: «Иди смелее». И Максим подошел к микрофону...

Шульга слушал Нерчина и был доволен. Такие же слова сказал бы и он с этой высокой трибуны...

— Дело мира восторжествует, если народы возьмут его в свои руки. Так говорит моя Родина, а она знает цену миру, дружбе и братству народов. Человечество вступает в век атома с чувством страха, который нагнетают те, кто хочет испугать всех слабовольных атомным оружием. Мы говорим: долой атомное оружие. Жить должен только мирный атом. Он будет двигать наши моторы, турбины, помогать выращивать урожаи, водить корабли, лечить болезни, продлевать жизнь людей нашей планеты, открывать пути в космос...

Поздно ночью Максим Нерчин стоял на площади Этуаль под Триумфальной аркой около могилы Неизвестного солдата. Он наблюдал, как пламя вечного огня, колышимое ветром, припадало к мраморному кратеру могильной плиты. Казалось, ветер вот-вот погасит огонь, но он вырывался вверх и рассыпал вокруг голубовато-розовые отблески.

Неизвестный солдат.

В этих словах Нерчин чувствовал какую-то обиду. Нет, не надо больше неизвестных солдат. Люди имеют свои имена. У людей есть цель...

Прозвучали тихие, осторожные шаги. Максим оглянулся.

Пожилая женщина, одетая в просторный мужской макинтош, с корзинкой на руке стояла рядом.

Максим посмотрел в истомленные скорбью глаза и, увидев в корзинке маленькие букетики фиалок, достал деньги, попросил ее по-немецки:

— Битте, дизе блюмен... фрау.

Он надеялся, что его поймут, но встретил такой горящий ненавистью взгляд, что смешался.

Женщина отступила на шаг назад и спрятала корзину с цветами за спину.

«По-видимому, она не продавщица цветов»,— подумал Максим. И хотел извиниться перед ней за свою ошибку, но женщина, опередив его, холодно, почти враждебно спросила:

— Месье, немец?

Максим удивленно нахмурил брови. Вот что означал ее суровый взгляд и уход в темноту.

— А что, собственно,— спросил Максим,— разве это что-нибудь меняет?

Женщина пристально посмотрела ему в глаза, потом перевела свой взор на огонь, трепещущий в кратере бронзовой плиты могилы Неизвестного солдата, и ничего не сказала.

Она так и осталась стоять, молча, с поникшей головой и устремленным на огонь взглядом. Затем тихо, ни к кому не обращаясь, проговорила:

— Один в семнадцатом, другой в сорок втором. Пьер и Жан. Муж и сын. Разве этого мало?

Она посмотрела на Максима потускневшими от горя глазами, в которых поблескивали слезинки, и продолжила, обращаясь в ночь:

— Кто их мне вернет?

И тогда Максим понял, что должен сказать этой женщине, откуда он. Сердце подсказывало, что он обязан это сделать, что он не имеет права молчать.

— Я из Советского Союза, — на плохом французском языке проговорил Максим.

Глаза женщины все еще не доверяли.

— Советик, — сказала она, — месье советик?

— Да, — ответил Максим. — Я на конгрессе мира.

Женщина все еще недоверчиво молчала.

— Советик, мадам, — проговорил Максим решительно и протянул ей руку.

— Это правда? — осторожно спросила она и шагнула к Максиму.

— Правда, мадам.

— Муж и сын. — тихо сказала женщина с фиалками и подняла руку в ночь, которая уже опустила свои тени за Триумфальную арку. — Там, — повторила женщина, — а зачем? Для чего?

Какими же словами объяснить этой несчастной женщине, что люди, принесшие смерть ее мужу и сыну, сделали это не исключительно потому, что они были немцами, а погибшие — французами.

И до тех пор, пока эта женщина будет объяснять только такой причиной свою утрату, пока так будут думать миллионы людей — женщин и мужчин всех континентов, настоящие убийцы и поджигатели войны останутся безнаказанными и будут продолжать свои черные дела. Сейчас они сжимают в руке новое ужасающее оружие. Испытывают его, насыщая воздух отравой. В своей ненависти к трудящемуся миру, ослепленные ею, они зашли так далеко, что не замечают и над своими головами оскала «костлявой». Ведь от радиоактивных дождей их не спасут миллиарды долларов.

События в зале Плейель были началом, которое провозвестило, что затуманенное страхом человечество пришло в себя... Там, в зале, сидели рядом, плечо в плечо люди разных стран, они были представителями большинства народов мира и были вместе, несмотря на то, что отличались один от другого многими присущими исключительно каждому чертами характера.

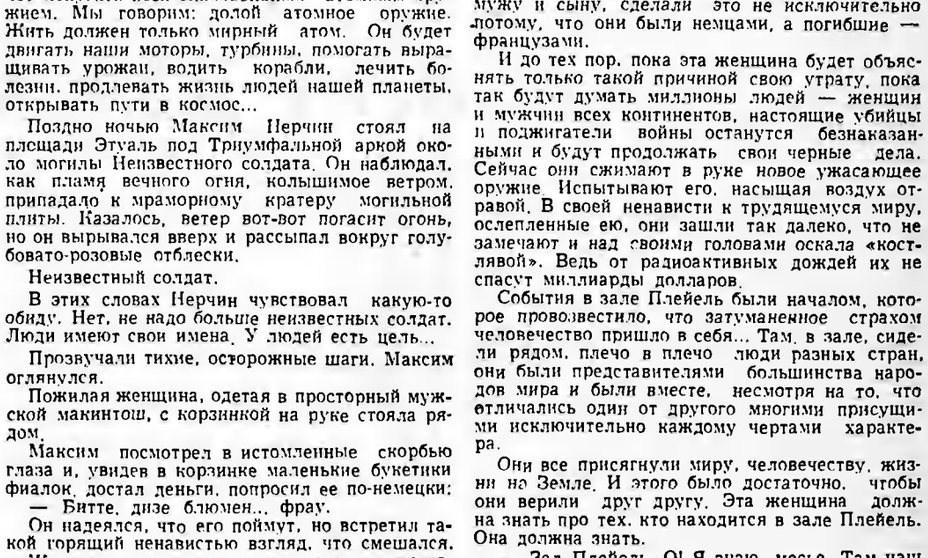
Они все присягнули миру, человечеству, жизни на Земле. И этого было достаточно, чтобы они верили друг другу. Эта женщина должна знать про тех, кто находится в зале Плейель. Она должна знать.

— Зал Плейель. О! Я знаю, месье. Там наш Жолио... Все верят ему. Все. Там мир, месье... Месье, Москву. О, Москву — де ля пе...

Женщина протянула ему букет фиалок и решительным жестом отказалась от денег.

Максим смотрел ей вслед, покуда она не скрылась во мраке ночи. Потом он подошел к могиле и, склонивши колено, положил на край бронзовой плиты фиалки, которые излучали запахи Весны и Жизни.

Перевод с украинского Б. КУШЕЛЕВА.



Танец «На кукурузном поле» в исполнении артистов Государственного заслуженного ансамбля танца Украинской ССР.
Фото М. Трахмана

Литературное обозрение

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Игорь МУРАТОВ «Жила на свете вдова» Журнал «Прапор» №№ 8—10 1959

Каждая новая книга о войне оказывается современной, если писатель не ограничивается летописью событий, а пытается заглянуть в человеческие сердца и раскрыть философию всенародного подвига.

Именно этой глубокой философской основой привлекает повесть Игоря Муратова «Жила на свете вдова», рассказывающая о людях, не совершивших, как будто, ничего исключительного. Как и многие другие, оказалась в тылу семья раненного в первом же бою железнодорожника Петро Дуная, как и многие другие, остался на подпольной работе в родном городе его единственный сын Тарас. И гибель Тараса после успешной операции, когда взлетел на воздух фашистский эшелон, была такой же, как смерть многих и многих сыновей, отдавших Родине свою жизнь. И вдова его Ульяна, как многие другие женщины, сначала терпеливо сносит фашистскую неволю, а потом, после гибели мужа, прячется у добрых людей, вместе со своими детьми ожидая возвращения Советской Армии... В этой истории немало драматических эпизодов, немало волнующих подробностей. Как, впрочем, и в истории Леонида Бандуренко; он только случайно не успел эвакуировать семью, и семья погибла, он воевал и был ранен.

Но обычные эти судьбы полны для Игоря Муратова глубоким и волнующим содержанием: в них раскрываются два отношения к жизни, два понимания счастья, два мировоззрения. Ведь когда Тарас приходит к отцу за советом, ехать ли в ответственный рейс санитарного поезда, везущего раненых в глубокий тыл, или остаться в подполье, Петро Дунай, не колеблясь, говорит ему: «Не подставляй себя под пулю, не бахвалься... Но и не забывай: отдать голову смолоду за такое дело, как наше, не так страшно, как дожить до старости в той хате, что с краю...» А присутствующий при этом разговоре Бандуренко думает: «Я ни за что не посоветовал бы ему ни проситься вместо подполья в рейс, ни отказываться от рейса ради подполья. Пусть сама судьба решает...»

И когда погиб Тарас, когда Дунай просит у друга душевной поддержки, Бандуренко пишет ему страшное письмо, обнажающее самую суть индивидуалистического мироощущения, опустошенности и эгоизма. Когда-то Бандуренко считал, что именно дружба с Дунаем «сделала его человеком», освободила от извечного стремления казаться «не хуже других». Теперь он думает, что слишком дорогой ценой заплатил за то, что стал человеком: напрасно он уступил детскому дому вагоны, предоставленные научному учреждению, напрасно не оттолкнул чужих ребятишек и не погрузил в последний эшелон свою семью...

«Тарас мог бы жить... Нюра и дети могли бы жить», — лихорадочно думает Бандуренко, измеряя исторические события маленькой мерой своего собственного горя и не поднимаясь до ощущения своей причастности к общенародной судьбе. И он, человек субъективно честный, в этом своем эгоизме едва ли не сближается с мелким собственником Ахтырским, хлопотавшим о сохранении какой-то мебели, каких-то вещей и готовым ради своего личного преуспевания пожертвовать даже собственной семьей.

Духовная скудость неминуемо ведет к опустошенности в жизни, и Бандуренко опускается все ниже и ниже. Только Ульяна, которая кажется ему бездумно простой, может разделить его отношение к жизни и поймет его обиду на Дуная, на мир, на человечество.

Но вот раскрывается новая грань в облике этой женщины, не умевшей принять участие в спорах о прочитанной книге, не умевшей слушать серьезную музыку, не способной, казалось, встать вровень с Тарасом и его родными. Как стойко выдержала она дни в подполье, когда отшатнулись от нее соседки, не знавшие, что Тарас служит у фашистов по заданию партии! Как мужественно переносила она все лишения, как самоотверженно берегла детей, скрываясь от искавших ее гестаповцев!.. Но почему они так искали ее? Почему окружает ее какая-то странная тайна?

В хитросплетениях сюжета, то уводящего в прошлое, то забегающего вперед, то предоставляющего целые страницы воспоминаниям Бандуренко и Дуная, то в длинных беседах, раскрывающих всю жизнь Ульяны, постепенно вырисовывается ее характер: немного замкнутый, гордый, не покоряющийся обстоятельствам, неспособный на ложь и притворство. И раскрывается подвиг, совершенный в самую страшную минуту ее жизни: своими руками она вручила любимому мужу единственное средство уйти от гестаповцев — молниеносно действующий яд. Вручила не для того, чтобы уберечь его от пыток, а потому, что боялась, как бы не сломили его пытки, как бы не вынудили его раскрыть врагу все, что он знает о подполье...

Эта цена не показалась слишком большой для Ульяны — для настоящего человека. От всех, кроме него, скрытый подвиг Ульяны совершает в душе Бандуренко новый перелом: на последней странице повести мы видим его уже не опустошенным и сломленным, а готовым перешагнуть ту «пропасть, что так долго отделяла его от жизни».

Суровы уроки народной жизни, тяжелы ее испытания. Но только ощущая себя частицей народа, человек может перенести эти испытания и выйти из них духовно окрепшим. Сквозь все перипетии повести все отчетливей и отчетливей звучит эта мысль. И если порой писателю изменяет чувство меры и он слишком подробен, если порой затянуты воспоминания и беседы, если в характеристике Ульяны местами ощущаются противоречия, недостаточно мотивированные, то в главном и решающем — в живом и драматичном столкновении характеров, в глубоком и верном раскрытии мироощущения настоящих советских людей Игорь Муратов достиг серьезного успеха. Его повесть заставляет думать о высоком призвании — быть на земле настоящим человеком.

Т. ТРИФОНОВА

ДОСТОВЕРНОЕ И ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ

Семен СКЛЯРЕНКО «Святослав» Авторизованный перевод с украинского Ал. Дейча и И. Добры «Советский писатель» 1960

Кажется, никто из советских писателей не «забирался» так далеко в глубь русской истории, как Семен Скляренко в романе «Святослав». Киевская Русь. X век, люди и события тысячелетней давности! Время, когда предки теперешних великороссов, украинцев и белорусов составляли единый народ и когда язык, на котором они говорили, также был еще единым.

Отступает, отмирает патриархальная власть родовых старейшин, и взамен ее усиливается власть князей, власть государства. Русь еще остается языческой, поклоняется Перуну и Дажбогу, но все больше русских людей обращается к христианству, христианкой становится и великая княгиня киевская Ольга. Заметно возрастает роль Руси в международной жизни — она и торгует, и заключает договоры, и вступает в союзы, и то и дело воюет с разными народами и государствами, окружающими ее.

Все эти перемены на Руси, поражавшие воображение современников, даны в романе в живых образах, в своеобразных судьбах героев. Погибает от стрелы печенега старый Ант. И, деля его наследство, давно ушедшие с отцовского двора сыновья Бразд и Сварг обирают и чуть не убивают меньшого брата своего Микулу. Один этот эпизод позволяет ярко ощутить, насколько чужды стали Бразду и Сваргу родовые понятия и обычаи. А позднее обнищавший Микула дает княжьему посаднику Бразду на себя «купу», подвергается прямой опасности стать его холопом.

Вот другая сценка из романа, также ощутимо передающая движение времени. В землянку Микулы является сын его Добрыня, служащий гриднем в дружине княгини Ольги. Микула хочет отдать ему оружие деда, но усмешка тронула уста юноши: «дедовский меч был однобокий, короткий, новый же меч Добрыни был гораздо длиннее, обоюдоострый, с красным камнем на рукояти». И он отказывается от дедовского наследия: «У меня оружие лучше, княжье».

Писатель искусно сплетает с сюжетом исторический сюжет личный, благодаря чему органически сочетаются в романе судьбы крупных исторических личностей, людей с громкими, известными именами, и простых людей, смердов, стоящих на самых низших ступенях общественной лестницы. Одна из основных линий романа С. Скляренко — любовь молодого княжича Святослава и ключницы Малуши, сестры Добрыни. По роману, Святослав хочет даже жениться на Малуше. Но этого не может допустить его мать Ольга, не может хотя бы потому, что такого брака никогда не признает правящая знать — «Гора», боярe, воеводы и князья земель. А Святославу предстоят в будущем большие дела. И княжич подчиняется матери, он тоже понимает: «чтобы вести Русь на Византию, надо быть князем». Святослав дает согласие жениться на угорской королевне, а «провинившуюся» ключницу Ольга ссылает в село Будутин.

Эта проходящая через всю книгу романтическая линия основана на действительных фактах, засвидетельствованных летописными источниками. Нет необходимости пространно говорить о том, насколько эстетически «удобен» и «выгоден» для писателя этот созданный самой историей сюжет, какие богатые возможности он предоставляет художнику слова. С. Скляренко стремится использовать их как можно полнее.

Но в некоторых местах — и об этом следует сказать прямо — исторически и художественно достоверное, точно увиденное и точно переданное заменено приблизительным. А приблизительное в искусстве — это уже, как правило, неверное.

Писатель правдиво рисует (особенно в начальных главах романа) отношения верхов и низов в Киевской Руси. Но в освещении образа Святослава у него явно проскальзывают кое-где модернизаторские нотки. Автор, несомненно, верен правде образа, говоря о своем герое: «Не осуждал он честной брани, когда люди с глазу на глаз сходились в поле, чтобы мечом и копьем разрешить свою распрю...» Но трудно поверить ему, когда он изображает дело так, как будто бы единственной целью Святослава было обеспечить своему княжеству мир... Трудно согласиться с автором и тогда, когда он пытается наделить Святослава чертами «народного» князя, князя смердов. «Я только князь ваш,— говорит Святослав в романе во время одного из своих походов. — А ходили со мной смерды. Им, а не мне, судить, не даром ли мы ходили». Все это, думается мне, вне контекста времени.

Приблизительное проступает у С. Скляренко и в языке романа. Каждый писатель, понятно, вырабатывает свои особые приемы и принципы исторической стилизации языка. У С. Скляренко в его «Святославе» стилистические принципы, им применяемые, к сожалению, зачастую расплывчаты. Есть у него бесспорные удачи, чем-то очень древним веет от таких выражений, как «богу — богово, жрецам — на сущный день» или «по всем украинам ромеи убивают наших купцов». Но он же в бытовой разговорной речи заставляет героя сказать «ты» и тут же рядом — «еси»...

Я думаю, не к чему длинно доказывать, что историческому роману важна не столько архаика слов, сколько архаика понятий и представлений. И ее в ряде случаев впечатляюще воссоздает писатель. «Вои боязливо смотрели на порог. Они были уверены, что там, под водой, живут страшные водяные, высунув из воды острые клыки, и, вечно ненасытные, жаждут человеческой жертвы, ловят своими щупальца-

(Окончание на 4-й стр.)

ПИСАТЕЛЬ ПОДЛИННО НАРОДНЫЙ

КОГДА читаешь книги нашего современника Петра Козланюка — наследника замечательных западноукраинских писателей Василя Стефаника, Ивана Франко, Леся Мартовича и соратника Степана Тудора Ярослава Галана, Александра Гаврилюка, перед тобой невольно встают яркие картины многострадальной родины писателя — Западной Украины.

«Горы, чудится, дремлют. Спит село. Маленькие хатки забились под серые полы скалистых горных круч, забрались, как детишки, в густую хвою пихтовых лесов и... шумите, укачивайте наше горе, седые пихты! Заглушите хоть во сне старые гуцульские беды и нужды, — пусть хмурый мужик хоть теперь видит себя не батраком — могучим хозяином этих гордых вершин...»

Унаследовав от своих предшественников гражданственность мыслей и чувств, публицистичность творчества, умение глубоко проникать в жизнь, писатель пошел дальше, вперед, в борьбу за то, чтобы «хмурый мужик» стал «хозяином гордых вершин».

Этот трудный и мучительный, но светлый и радостный путь показан писателем в его романе «Юрко Крук», произведении, в котором перед читателем развертываются суровые картины «воспитания чувств», формирования характера будущего революционера.

Рассказывая о судьбе крестьянского мальчика Юрка, писатель раскрыл через судьбу своего юного героя большие социальные события, показал пути, по которым шло галицийское крестьянство к революции. Страстные и пламенные строки говорят об этом:

«Юрко всем сердцем ощутил, что, наконец, близка подлинная свобода, что книжка Сергея (русского солдата, подарившего Юрку «Коммунистический манифест».— Ф. П.) уже горит над миром алым пламенем и цесари с господами дрожат перед нею, а престолы и троны рушатся. Воображение рисовало ему улыбающееся лицо Андрия Дмитровича, властно произносящего с трибуны в Светанковцах:

— Да здравствует власть Советов!

Выбравшись из процессии, Юрко даже не заглянул к Луцю. Он спрятал газету за пазуху и... зашагал в Светанковцы. Словно он приближался к селу не один, а вместе со всей могучей армией Буденного...»

Роман «Юрко Крук» не случайно называют энциклопедией жизни и борьбы западноукраинских крестьян. В романе, как и во всем творчестве Козланюка, ярко выражено то новое восприятие жизни, которое пришло в умы и сердца людей с Великим Октябрем. Так мы видим в Петре Козланюке не только талантливого мастера-бытописателя, печальника народа, но в первую очередь страстного борца за его дело.

Творческий диапазон Петра Козланюка широк. Мы найдем в его книгах лирику и юмор, сатиру и очерк, фельетон и публицистическую статью. В рассказах и фельетонах Козланюка всегда ощутим неподдельный, искрометный народный юмор, в них всегда виден герой, острый на словцо.

Ушла в историю борьба за свободу Западной Украины, отгремела Великая Отечественная война, но Петро Козланюк не складывает своего оружия. Он продолжает славные традиции Галана и Гаврилюка, обличая современных мракобесов и поджигателей войны. Такова, например, его сатирическая комедия «Паника в небесах», в которой писатель с присущим ему ядреным и лукавым крестьянским юмором разоблачает не только богов небесных, но и «богов земных», пытающихся организовывать новую войну.

Биография Козланюка — это биография его народа, с которым он шел, в рядах которого он боролся как солдат и как писатель, вместе с которым он строит коммунизм.

Верность Родине, верность народу, гражданская страстность и непримиримость — вот за что любят Петра Козланюка читатели.

Филипп ПЕСТРАК

МИНСК

Мастер спорта СССР планерист Виктор Гончаренко.
(Фотовыставка «Советская Украина») Фото И. Хижняка

СИЛА ДУХА

ПОДЛИННЫЙ художник всегда наследует от своих предшественников лучшие черты их творчества. Так, безусловно, Ванда Василевская получила в наследство и приняла как эстафету от выдающихся польских писательниц - демократок Элизы Ожешко и Марии Конопницкой большую любовь к простым труженикам, к народу-созидателю, жаждущему свободы и ненавидящему своих угнетателей.

Юность писательницы совпала с тем периодом в истории польского народа, когда только лучшие умы Польши, только чувствующая в глубоком подполье коммунистическая партия могли предвидеть светлое будущее своей страны. Это было тяжкое время помещичьего гнета, полицейского произвола и народного бесправия. И будто в насмешку над тем, что было в действительности, Польша называлась независимой. Это были годы жестоких преследований украинцев, белорусов, литовцев, время бессмысленной и жестокой политики, толкавшей Польшу навстречу катастрофе — надвигавшейся войне, кровавому гитлеровскому вторжению.

Биография Ванды Василевской отмечена редкой прямотой гражданского поведения и писательского пути. Первая книга ее — «Облик дня» повествует о жизни и борьбе рабочего класса, о жгучих проблемах того времени, о формировании революционного мировоззрения масс. Вскоре выходит и вторая книга В. Василевской — «Родина». С необычайной смелостью и художественной достоверностью поведала писательница историю обездоленного батрака, обманутого лживыми буржуазными лозунгами, — герой книги борется за «независимую» Польшу, но остается в этой Польше таким же бесправным рабом, что и раньше.

Никогда не забуду, с каким интересом встретили мы в канун второй мировой войны третью книгу Ванды Василевской — «Земля в ярме». Тяжелое положение трудовых крестьян Литвы, восставших в 1935 году против своих угнетателей, во многом было похоже на положение польских крестьян, о котором талантливо рассказала нам В. Василевская в своем романе. Книга волновала литовского читателя, вызывала споры, а главное — заставляла искать выход из тупика, в котором оказалось трудовое крестьянство Литвы в последние годы буржуазного господства.

Буря второй мировой войны оторвала Ванду Василевскую от родной почвы. Но писательница обрела вторую родину — великий Советский Союз, гражданкой которого она стала, покинув занятую гитлеровцами территорию Польши. А когда гитлеровская военная машина, сеявшая смерть, вторглась в пределы Страны Советов, В. Василевская вступила в ряды советских воинов. Мы видели писательницу в форме полковника Советской Армии и на улицах Москвы, и на фронте, и на международных митингах, проходивших в столице; ее голос мы слышали по московскому радио, — взволнованный, но твердый, он призывал к борьбе за Советскую Родину, за освобождение Польши — новой, народной Польши. Ванда Василевская принимала деятельное участие в формировании польских воинских соединений на территории Советского Союза. К тому же периоду относится известная повесть писательницы «Радуга», проникнутая безграничной любовью к советским людям, верой в торжество правого дела и глубочайшей ненавистью к фашизму, залившему кровью Польшу и Украину.

Советский читатель с большим интересом встретил и новые книги писательницы — «Просто любовь», «Когда загорится свет» и последующие части ранее начатой трилогии — «Звезды в озере» и «Реки горят», последнюю повесть «В борьбе роковой».

Мне не раз доводилось встречаться с писательницей-борцом Вандой Василевской и во время Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы. Меня всегда радовала та страстная взволнованность, с которой она переживала все, что связано с нашей страной и народной Польшей, каждую нашу победу, каждую неудачу. Я всегда восхищался силой духа этой женщины, ее непоколебимой верой в победу добра, когда она выступала с трибуны конгрессов и конференций мира, с трибуны писательских съездов. Как и лучшие писатели всех времен, В. Василевская постоянно живет волнующими вопросами своего времени, и главное в ее творчестве — современность, не в узко-календарном, но в самом широком значении этого слова.

В эти дни, когда в Москве проходит декада литературы и искусства братского украинского народа, мы, приветствуя наших дорогих друзей — писателей Советской Украины, приветствуем и замечательную писательницу Ванду Василевскую, отдающую свой талант и горячее сердце самой благородной цели — процветанию и дружбе народов, торжеству дела мира и коммунизма.

Антанас ВЕНЦЛОВА

ВИЛЬНЮС

В театрах Украины

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

смешное шествие с полотнищем, где написана здравица в честь «нашего дорогого товарища Сома». Это — герой комедии, председатель другого, подлинно передового колхоза Родион Нечай. Мы с ним познакомились еще раньше, и он понравился нам. Но почему же в ту пору, когда мы громко, весело смеялись над хлыновскими проделками Сома, он застыл мраморным изваянием у боковой кулисы и с высоты своего монументального величия гневом казнил расходившегося соседа? Ясно: Родион видит в Соме человека, мешающего коммунизму. Но Сом на сцене — это **сатирическая** фигура, и оружие против него — смех. Родион же, роль которого играет В. Добровольский, все воспринимает совсем всерьез и оттого проигрывает сам: неожиданно он оборачивается попросту недалеким, невеселым человеком.

Родион дорог автору и театру, но он много потерял оттого, что начисто лишен юмора, без которого, право же, невозможен положительный герой комедии. Существенно и другое. Зорко увиденный в жизни **новый** конфликт, в котором сталкиваются истинное и ложное представление о коммунизме, не получил в комедии развития.

На сцену вышла Марина Демченко — Е. Литвиненко, и сразу почувствовалось: у этой красавицы — незаурядная, гордая, красивая и вольная натура. Интерес наш к ней возрос, когда заметили мы, что что-то томит Марину и оттого яснее сказывается ее душевная непокорная сила. Что же это? Она любит Родиона. И Родион как будто любит ее, но по моральным меркам Марины есть в его любви что-то обыденное, деловитое, хозяйское, — словом, не того поэтического накала любовь, какую только и приемлет Марина.

Да, здесь таится живой родник современной драматической поэзии. Но вот беда: судя по тому, как ведет себя Родион, — нет причины для несчастья героев, такие хорошие, чуткие люди давно бы должны были понять друг друга, если б писатель дал им возможность поговорить не по заданному плану, а по велению сердца.

Комедия А. Корнейчука наталкивает на мысли, важные для всего нашего советского театра. Это верно, современно, что писатели и режиссеры стремятся постигнуть поэзию души человека наших дней. Понятно, новая задача требует и новой формы. Но в любой форме сохраняет свою силу закон драматического искусства: правда характера, правда того, что происходит на сцене.

ТЕАТР имени Франко ценит дружбу со «своими» драматургами. Свой — Корнейчук, неизменно отдающий франковцам новые пьесы; свои — и те, кто закладывал и строил здание национального украинского театра.

Два спектакля из прошлого украинского народа привез в Москву академический театр: «Не суждено» Михаила Старицкого и «Свадьба Свички» Ивана Кочерги. Оба они в какой-то мере продолжают традиции, которые были утверждены в таких классических работах, как «Украденное счастье», «Суета» и другие.

Драматическая поэма Кочерги погружает нас в мир далеких предков, ремесленного люда Киева XVI столетия, поднявшегося на борьбу против воевод. В пьесе причудливо, но очень органично уживаются трагическая романтика и обрядовые, почти этнографические сцены, правда быта и поэтическая символика.

Поначалу кажется, что постановщик спектакля Гнат Юра явно предпочел бытовую, обрядовую линию поэмы — настолько тщательно, подробно строит он сцену свадьбы, столь любуется он песнями, танцами, костюмами.

Но во второй половине спектакля и в особенности в финальном акте драматическое напряжение достигает высокого накала. Здесь режиссер все свое внимание переключил на внутреннюю жизнь героев и нашел у актеров живой отклик. В. Цимбалист, который в первых сценах был излишне картинен, здесь обрел благородную простоту и выявил могучую силу оружейника Ивана Свички, гибнущего за народ. Но выше всех в спектакле О. Кусенко, играющая Меланку, невесту Свички. Мы увидели трагическую актрису, верную, однако, традициям родного театра. Если говорить о том, что роднит этот спектакль с лучшими работами Театра имени Франко,— так это прежде всего Меланка — О. Кусенко: достоверность ее чувств, лирическая, мягкая интонация и вместе с тем полет высокой трагедии.

Эти лучшие черты франковских художников в известной мере проявились и в спектакле «Не суждено», где Г. Яблонская создала трогательный образ крестьянской девушки, пострадавшей от неправедного строя. Но в этом спектакле главенствуют сентиментально-жалостливая интонация и некоторая прямолинейная наглядность: уж очень прибитые, несчастные крестьяне и откровенные злодеи-паны ходят по сцене. Спектаклю не хватает мужественности и богатства характеров.

Конечно, украинская классика всегда будет близка Театру имени Франко. И очень хотелось бы, чтобы он познакомил нынешних зрителей с самыми сильными ее произведениями. (Выразим здесь же сожаление: разве это верно, что большая артистка советского украинского театра Н. Ужвий не нашла себе места в декадных спектаклях?)

В ДЕКАДНОМ репертуаре Театра имени Франко есть еще «Король Лир» в переводе М. Рыльского. Уже самые начальные сцены говорят о том, что режиссер В. Оглоблин, художник В. Меллер и артисты избрали нехоженую дорогу в воплощении шекспировской трагедии. Они словно бы закрыли глаза на богатую сценическую историю «Лира» и отложили в сторону многотомные исследования и комментарии шекспироведов. Легко угадывается желание: встретиться с Шекспиром без посредников, выразить смысл трагедии в театральном зрелище.

Резкие очертания крепостной стены, глубокие подземелья, вырванные светом углы внутренних помещений, убранные звериными шкурами, могучие люди. Быть может, такая картина и не передает исторически точно атмосферу британского королевства далекой эпохи. Но она наверняка созвучна могучим страстям Шекспира, и она очень театральна. А как это ни странно, насквозь театральные шекспировские трагедии часто превращаются у нас в драмы для чтения...

Всем, кто хоть немного знает М. Крушельницкого, нелегко было представить его в трагической роли властолюбивого короля. И в самом деле — поначалу с ним трудно примириться: на сцену вышел гном с огромной головой, высоченным лбом, напоминающий чем-то бога-Саваофа. А то в нем вдруг проявляется что-то подчеркнуто детское. Но артист подчиняет нас своему образу, захватывает внимание. На сцене перед нами не было трагедии короля, оставшегося без царства, но зато в полную силу выражена трагедия **человека**, человеческого прозрения.

М. Крушельницкий нашел и воплотил глубокий, неожиданный образ шекспировского героя. Но о нем нельзя думать и говорить, минуя другой образ — Шута в превосходном исполнении Д. Милютенко. В этом спектакле особенно чувствуется связанность Короля и Шута, их двуединство. Не для достижения ли такой цели Милютенко играет Шута сверстником старого Лира? Он вроде бы совсем реальный, бытовой, на склоне лет ему уж трудно веселить короля. Но сквозь бытовое все время просвечивает другое, главное: Шут — это непомрачненная частица разума короля, проливающая истинный свет на все окружающее и на самого себя.

По-видимому, «Король Лир» в Театре имени Франко вызовет серьезную дискуссию, и специалисты могут оспорить решение режиссера и актеров. Не обошлось в работе и без очевидных просчетов. Но при всей спорности — это талантливый, интересный спектакль, который, право же, куда плодотворнее академически выверенного, но скучного истолкования Шекспира.

В ДНИ декады украинской литературы и искусства мы познакомились еще с одним образом мировой драматургии — чеховским «Дядей Ваней» в Русском драматическом театре имени Леси Украинки.

Надо признать, что известный в Москве и любимый москвичами театр на этот раз не во всем порадовал нас.

Конечно, хорошо, что в поисках современного репертуара театр одним из первых в стране обратился к роману Л. Леонова «Русский лес» и создал собственную сценическую редакцию под названием «Юность Поли Вихровой». Спектакль поставлен строго. Живо, искренне играет молодая актриса А. Роговцева роль Поли. Но слишком уж велики потери по сравнению с романом. Они могли быть в большой мере восполнены сценическими открытиями. Однако открытий нет, хотя в спектакле заняты талантливые артисты Ю. Лавров, В. Халатов, М. Розин, В. Мягкий и другие.

Давнее содружество театра с Вадимом Собко привело к постановке новой пьесы драматурга «Песня под звездами». У этой пьесы хорошие, обнадеживающие начала. Но, видно, что-то помешало писателю выявить, довести до драматического напряжения и разрешить увиденные в жизни современные конфликты. А театр еще ослабил пьесу, не найдя подходящую исполнительницу главной роли — Кати Несмян, перегрузив спектакль сомнительными эффектами, вроде непонятного пожара или идиллически-иллюстративного финала. Словом, трудно признать этот спектакль удачей театра — вместе с писателем ему еще предстоит большая работа. Но есть в декадном репертуаре Театра имени Леси Украинки спектакль, который запомнится надолго: «Дядя Ваня».

В рецензии на этот спектакль надо рассказать о его победах, о большом труде, вложенном всем коллективом, и о его явных просчетах, неудачах. Сейчас мне хочется сосредоточить внимание лишь на вершине спектакля — Михаиле Романове в роли Войницкого.

Иные из видевших этот спектакль говорят, будто в «Дяде Ване» Романов повторяет своих Протасовых из «Живого трупа» и «Детей солнца». Я думаю, это не так. Верно другое: настолько богата, одухотворенна и определенна индивидуальность артиста, что в каждой своей роли он остается самим собой, Романовым. Не знаю, работает ли он «по системе Станиславского» или как-нибудь иначе, но только в каждом своем лучшем образе Романов бесспорно идет «от себя» и достигает победы. Все то, что волнует, тревожит, что дорого и что ненавистно чеховскому дяде Ване, — все это на сцене стало романовским. Ни одного слова, сказанного только потому, что оно есть в тексте, ни одного чужого, «сыгранного» жеста, интонации, выражения лица — вот в чем сила этого прекрасного художника.

А в образе на протяжении всего спектакля живет, бьется большая мысль, большое чувство человека, который мог бы сделать так много хорошего, красивого, который внушает гордость за людей.

Нет, не похож Войницкий на героев Толстого и Горького — это **чеховский** человек с чеховской любовью к жизни, застенчивой деликатностью, горечью, мечтой и трагедией.

О дяде Ване — Романове хочется говорить подробно, переходя от сцены к сцене. Здесь это невозможно. Скажу лишь об одном — финальном эпизоде, потому что в нем, мне кажется, всего сильнее, правильнее и новее Романов выразил современное отношение к Чехову. Дядя Ваня садится за стол, щелкает на счетах, потом переходит в кресло, смотрит прямо в зрительный зал и слушает Соню. Как часто нас пытались уверить, что слова о небе в алмазах — это и есть чеховская мечта о будущей прекрасной жизни и что, мол, именно здесь — оптимизм Чехова и его пьесы. Но это же не так! Дядя Ваня, как и мы, понимает иллюзорность Сониных утешений и мечтаний. Романов слушает Соню, и на его лице — страдание, и в глазу блеснула слеза. Так заканчивается спектакль, и я уверен, что наше горе от того, что такие прекрасные люди, как дядя Ваня, трагически гибнут в неправой жизни, несет в себе куда больший заряд исторического оптимизма, нежели прямолинейная символика. Романов играет дядю Ваню не только правдиво, мягко, лирично, но **мужественно**, и в этом победа современного художника.

В ЭТИХ заметках далеко не исчерпана программа драматических театров Украины на декаде. Пристального и заинтересованного внимания заслуживают театральные работы Харькова, Запорожья, Черновц, Винницы. Все же спектакли, взятые вместе — с их достоинствами и недостатками, — говорят, что богата театральная культура Советской Украины, что широкие пути у нее к постижению современности и классики.

Литературное обозрение

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

ми каждую плывущую через пороги лодию, присасываются, переворачивают ее, пожирают людей. Бороться с Ненасытью? О! Человеку это не под силу». Это действительно языческая Русь X века, ее восприятие мира, ее понимание происходящего вокруг. А вот другой отрывок: «В степи было необычайно тихо, только где-то изредка бил перепел, порой издалека доносился отзвук топота диких коней, а потом приходила и стыла тишина — вечная, казалось, и все же неповторимая». Сказано это красиво, пожалуй, даже чересчур красиво, но «неповторимая тишина» — воля ваша, эпитет этот в духе нового времени, XX или XIX века!

...Многое, я сказал бы, даже основное в романе С. Скляренко схвачено точно, и читатель прочтет его с живым, неподдельным интересом. Однако та приблизительность, которой отмечен ряд его страниц и которую я показал выше лишь на отдельных примерах, не могла не отразиться на художественной и исторической значимости романа.

Г. ЛЕНОБЛЬ

ОТ ЧИСТОГО СЕРДЦА

Юрий ГОЙДА
«Избранное»
Издательство «Советский писатель»
1960

«Избрани о е» — так называется книга стихов Юрия Гойды. Это очень небольшая книга. Держа ее в руках, с грустью ощущаешь, как обидно рано оборвалась судьба поэта. Может быть, именно в ту пору, когда его поэтический голос зазвучал по-настоящему сильно и уверенно, когда вместе с приходом душевной зрелости творчество его начало приобретать все большую глубину и своеобразие. Читая стихи последних лет, понимаешь, как много недосказанного осталось еще за пределами этой небольшой книги, за пределами короткой, честной и чистой человеческой жизни. Творчество Юрия Гойды при всем своем многообразии представляется на редкость цельным, органичным для этого поэта — жизнелюбивого, общительного, смотрящего на свой край, на своих друзей, на людей, окружающих его добрыми, любящими глазами. Язык его стихов прост. Истоки его поэзии — песни, созданные народом, рожденные горами и долинами Закарпатья. Недаром все связанное с родным краем — это самое сильное и подлинное в творчестве поэта. Как только он отрывается от родной почвы, из стихов уходит что-то очень важное и дорогое. При всем своем внешнем благополучии они становятся похожими на многие стихи многих поэтов этого поколения, они становятся безличными, они принадлежат всем и никому.

К счастью, это случается редко и главным образом на ранних этапах поэтической биографии Юрия Гойды. С поэтическим ростом поэт все яснее ощущает свою силу и свои слабости. Все реже и реже сворачивает он на боковые тропинки со своего пути, все лучше, больше и дальше он видит.

Поэт играет словами, любуется ими. Именно так написано стихотворение «Две речки»:

Вы слыхали гуды-гулы?
То гугорили гуцулы.
То сошлись на добром слове
Люди добрые в дуброве:
В знойный день или в метели
С гор сплавлять гиганты ели..
Щедро солнце здесь горело,
Радовалось: это дело!
Радовались обе Тиссы:
Словно сестры, обнялися
И спустились по каменьям,
Словно кони в белой пене,
И плоты пошли по Тиссам —
Той и этой — верхом, низом.
Только волны громыхают,
Между скалами играют...
(Перевод Льва ОЗЕРОВА)

Дыхание родной земли ясно ощущается и в «Карпатской поэме», поэтическом рассказе о судьбе девочки Аленки — комсомолки Алены Грицюк.

Цикл стихов «За океаном», завершающий книгу, собственно говоря, тоже посвящен родине. Тому, как трудно, как невозможно жить без родины. Рассказывая о людях, волей судьбы принужденных жить на чужбине, Юрий Гойда снова и снова утверждает свою любовь к родному краю. Наверное, это чувство и делает творчество его таким цельным, объединяет мягкие, лирические строки с вещами сюжетными, носящими характер баллад.

Если речь с чистым сердцем ведется,
Жизнь повсюду тебе отзовется,
— говорит поэт. И это как нельзя лучше характеризует его небольшую книжку.

Вероника ТУШНОВА

ДЕВУШКА БЛАГА ИДЕТ ПО МОСКВЕ

Платон ВОРОНЬКО
«Дорогие друзья»
Издательство «Молодая гвардия»
1960

В одном из стихотворений украинского поэта Платона Воронько болгарская девушка Блага рассказывает о своей родине и о себе. Три мечты имела девушка: отдать свою жизнь и сердце за свободу и счастье народа, учиться и повстречать друзей в Москве.

Мечты девушки осуществились. Болгарский народ успешно строит социализм. Цветет новая Болгария, и вот с этой-то новой Болгарией и знакомит нас книга Платона Воронько «Дорогие друзья», содержащая почти полный перевод книги «Драгі другарі», вышедшей на украинском языке в издательстве «Молодь» (Киев. 1959).

Поэт-партизан, большой лирик и мастер певучего стиха, берущего свою силу от украинской народной песни, поет о дружбе:

Драгі другарі!
Драгі другарі!
Нашим народам
Довіку у парі
Жити на щастя
Нових поколінь...

Главный герой книги — Болгария, ее замечательный народ. О чем бы ни писал поэт, начиная с приветственного стихотворения «Болгарским друзьям» и кончая поэмой «Поединок», он говорит о стране и потомках отважных и смелых гайдуков, в течение многих лет боровшихся за свободу; он говорит о получивших мировую известность и славу великих болгарах — Христо Ботеве, Георгии Димитрове, Николе Вапцарове; он говорит о современниках, идущих по социалистическому пути. Огни дружбы народов освещают этот славный путь.

Взволнованно и страстно пишет о стране поэт:

Болгария! Когда б ты знала,
как я давно с тобой знаком!
Из-за крутого перевала
ты мне светила огоньком.
С твоими храбрыми сынами
я бил врага, взрывал мосты.
Священно этой мести пламя,
и наши помыслы чисты.
Твоей истории страницы,
лучи сегодняшних огней
меня волнуют, как зарницы
в просторах Родины моей.

С присущей ему щедростью сердца описывает поэт современную Болгарию, уделяя немалое место и ее истории, которая тоже говорит о большой дружбе двух народов, Тырново и Запорожская Сечь, Янтра и Днепр, Киев и София, гайдуки и запорожцы, Комсомольск и Димитровград, юнаки Болгарии и советская молодежь...

Дівчино Благо,
Мои благодаты!
Я тебе буду завжди пам'ятать.
Ти — це Болгарії ранішня путь.
Як же про тебе забуть!

Девушка Блага — завтрашний день родного края, его песня песен — благодаря поэту снова гордо шагает по Москве.

В. КУШЕЛЕВ

ГЕРОЙ — ЗАКАРПАТЬЕ

Иван ЧЕНДЕЙ
«Терн цветет»
Издательство «Молодая гвардия»
1959

Иван Чендей — закарпатский писатель, и Закарпатье — один из главных героев его книги. Это не просто место действия, наделенное чертами, которыми принято характеризовать Закарпатье, а большой, детально и живописно разработанный образ. Читатель запоминает прекрасную и строгую природу Закарпатской Украины, знакомится с народными обычаями и обрядами песнями утварью, одеждой. Подробности народного быта щедро рассыпаны в книге, придают ей большую убедительность. Чувствуется — писатель отлично ведает то, о чем рассказывает, это для него родное, свое. Неповторимый колорит свойствен и героям Чендея: кем бы ни были они, как бы ни были различны, — они люди из Закарпатья.

В книгу вошло несколько рассказов и повесть «Терн цветет». Рассказы и повесть находятся примерно в таком же соотношении, как этюды и картина. К рассказам Чендея вообще подходит понятие «этюд», увиденное в жизни уже стало творчеством, но ему еще предстоит занять место в каком-то большом и обобщающем произведении. Рассказы лаконичны. Сюжет их до предела прост: крестьянин отправляется в чужие края на заработки, семья бедняков продает корову-кормилицу, чтобы расплатиться с долгами, и т. д.

Многие мотивы, мысли, образы рассказов встречаются и в повести. Чендей стремился воссоздать широкую картину прошлого, рассказать о людях старого закарпатского села, об их отношениях. Повесть написана просто и правдиво, она трогает и убеждает. Однако и ей свойственна в известной мере характерная для рассказов «этюдность». «Терн цветет» воспринимается как завершенное, самостоятельное произведение и вместе с тем как основа для еще большего по масштабам полотна.

Иван Чендей не гонится за остротой сюжета. События в повести немного, круг действующих лиц тоже неширок. Герои Чендея четко разделены на два противостоящих лагеря. Для чендеевских крестьян-бедняков сельский нотариус, староста, кулак, ростовщик, некрупный хозяйчик, землемер — уже власть имущие, сильные мира сего. Такое стремление к точной социальной характеристике героя ведет даже порой к тому, что своеобразные индивидуальные черты их характеров несколько отступают на задний план.

«Терн цветет» — история о том, как беднейший из бедняков Василь Порадюк правдами и неправдами раздобыл в долг небольшой участок земли, как он трудился не покладая рук и как этот участок у Василя в конце концов отобрали. Удар за ударом сыпался на бедного Василя. Его ограбил ростовщик, опутал хитростью и сжал в железные тиски рвущийся к богатству кулак, ни за что ни про что бросил в тюрьму жандарм. У Василя умер сын. Тяжело заболела жена. Сам он стал почти стариком. Но с каждым ударом Василь все больше освобождался от того рабского, что было в его душе, с каждым шагом он все яснее ощущал, что против него не просто ростовщик Фрид и не просто кулак Манзюк, а некая единая сила, с которой нужно бороться.

На суде рухнули последние иллюзии Василя: он до той поры полагал, что столкнулся с произволом и беззаконием, потому что не может быть такого закона, «чтобы у нищего заплатанную торбу с плеч содрали». Оказалось, в мире, где живет Василь, есть такой закон. За спиной сельских богатеев Фрида и Манзюка Василь начинает различать вершину тяжелой пирамиды угнетения. Так раздвигаются границы повести.

Неизмеримо народное горе. Печальна судьба Василя. Но судьбы бедняков, чендеевских героев, не безнадежны. Бунт Василя (он поджег хозяйское сено) наивен, но в том, что тихий и покорный мужик стал бунтарем, заложены большие надежды. О надеждах, о будущем почти нигде не говорится прямо. Это лишь подтекст настроение. Однако и этого довольно, чтобы «Терн цветет», грустная книга о прошлом, не вселяла отчаяния.

Вл. ПОРУДОМИНСКИЙ

ВПЕРЕДИ ВЕКА

1910-1960

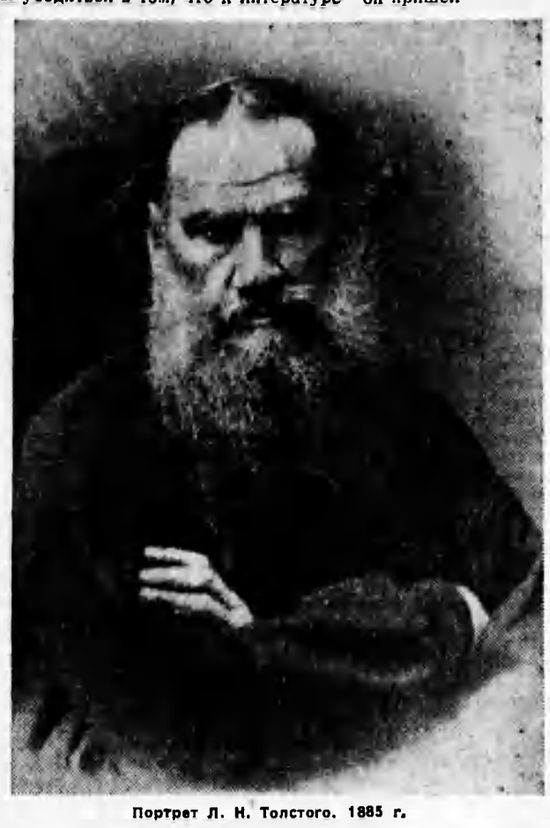
Толстой и современность

Накануне 50-летия со дня смерти Л. Толстого редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду видных зарубежных общественных деятелей и писателей с просьбой поделиться своими мыслями о творчестве Льва Толстого, о его значении для современности. Сегодня мы продолжаем публикацию полученных нами ответов.

Н. ГУДЗИЙ

Толстой стал писателем, подготовив себя к этому очень большой и очень напряженной работой над собой как над человеком. Художественное творчество для него никогда не было чем-то самодовлеющим, а всегда было средством для разрешения тех основных вопросов жизни личной и общественной, какие он ставил перед собой. Достаточно познакомиться с ранними дневниками Толстого, чтобы убедиться в том, что к литературе он пришел из органической потребности выразить и оформить в наиболее совершенной степени то, что его неотступно занимало и волновало как человека прежде всего.

По поводу «Анны Карениной» он писал Н. Н. Страхову: «Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен бы был написать роман тот самый, который я написал, сначала... Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения».



Портрет Л. Н. Толстого. 1885 г.

В течение всего своего писательского пути Толстой предъявлял к искусству высокие требования служения самым важным задачам, какие ставит перед человеком жизнь.

Считая, что подлинное искусство подчинено жизни, а не существует поверх ее, что оно призвано служить целям строительства человеческого счастья, Толстой разделял взгляды всех передовых русских писателей, являясь одним из убежденнейших противников искусства для искусства, искусства как забавы. На самом пороге своей литературной деятельности он записал себе «правило»: «Цель всякого сочинения должна быть польза — добродетель. Предмет сочинения должен быть высокий». И этому правилу он следовал неизменно, чем дальше, тем настойчивее ставя в своих сочинениях и пытаясь разрешить в них такие вопросы, которые имели общенародное и общечеловеческое значение. «Искусство есть важное дело, — писал он в трактате «Что такое искусство?» — ...Искусство есть орган жизни человечества, переводящий разумное сознание людей в чувство».

Художник в понимании Толстого — одновременно и учитель и слуга народа, прежде всего своего народа, с которым он связан кровными узами.

Чтобы у художника можно было учиться жизни, необходимо, чтобы художник был чутким наблюдателем жизни и душевного мира человека.

Великий дар наблюдательности по отношению к внутреннему миру людей развивался у Толстого в результате непрестанного, усиленного контроля над своим душевным миром.

Самонаблюдение стало для Толстого и основным источником его в высшей степени самокритического отношения как к самому себе, так и к своей работе. Стремясь к *правдивой*, искренней, часто беспощадной оценке своих поступков, Толстой стремился и к полной правдивости в изображении людей и *обстановки*, в которой они живут. Правда, действительно, как он сам сказал, была для него героем, которого он любил всеми силами души. Во имя ее он выступил с непримиримой критикой современного ему общественного и государственного уклада, критикой, которая отличалась «страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня» (Ленин).

От этих страстных поисков жизненной правды — «самый трезвый реализм» Толстого, «срыванье всех и всяческих масок». То и другое обнаруживается у Толстого уже в раннюю пору его творчества, постепенно все более и более усиливаясь в его наиболее совершенных созданиях, самое полное свое выражение найдя в «Воскресении». Толстой по силе и качеству своего реализма, по способности внушить читателю ощущение непосредственной правды жизни занимает бессмертное первое место в мировой классической литературе... Сила толстовского реализма обусловлена в величайшей степени присущей ему глубиной психологического анализа, для которого он нашел пути, до него никому из писателей неведомые. Он с таким изумительным проникновением вскрыл, говоря словами Чернышевского, формы и законы «диалектики души», что в этом отношении стал никем еще не превзойденным мастером.

Смелость и независимость Толстого в изображении внутреннего мира человека, его душевного состояния, побудительных мотивов его поступков поистине беспримерны. Руководствуясь своим собственным очень активным опытом, не доверяя ничему, что говорилось до него о человеке и о свойствах его натуры, он самостоятельно, с большой художественной смелостью показал человека таким, каким он был на самом деле, без той маски, какая надета была на него литературной и житейской традицией. Он беспощадно рассеивал привычные иллюзии, принимавшиеся на веру, без критики и без рассуждения, и не для того лишь, чтобы снизить и разоблачить то, что обычно возвышалось, но и для того, чтобы возвысить, вознести то, что принижалось. Он заметил и зорко подсмотрел такие стороны человеческой жизни, мимо которых проходил менее зоркий и менее наблюдательный взор, и заставил своих читателей удивляться, как они сами не заметили, не имели смелости заметить того и сказать о том, что увидел и о чем рассказал он сам.

Толстой поднялся на такую огромную высоту в своем реалистическом искусстве потому, что работал над своими произведениями так же упорно и взыскательно, как работал и над самим собой. Богатейший черновой материал рукописей Толстого, в важнейшей своей части уже опубликованный, наглядно свидетельствует о том, как сложен был писательский труд Толстого, какими часто неожиданными поворотами в поисках жизненной правды и наибольшего углубления темы он сопровождался. В процессе работы, которой сопутствовали многочисленные, часто коренные переработки ранее написанного Толстым, произведение его безмерно обогащалось и по содержанию, и по форме. По мере вживания в тему, по мере того, как она все более и более захватывала Толстого, рамки произведения широко раздвигались, сама же тема становилась несравненно значительнее по своему идейному содержанию, по своему общественному звучанию. Так, роман «Война и мир» вырос в величественную историческую эпопею, воскресившую героические страницы в жизни русского народа, связанные с его патриотическими подвигами в Отечественную войну 1812 года. «Анна Каренина» из романа о судьбе «потерявшей себя» женщины, постепенно вбирая в себя многообразные факты и явления общественной жизни России в пореформенную эпоху, превратилась в роман самого широкого социального охвата; «Воскресение» под влиянием исторической обстановки, сопутствовавшей многолетней работе над ним, из повести моралистической по преимуществу — на тему об ответственности мужчины перед соблазненной им девушкой — стало романом огромной обличительной силы, в котором острейшей критике был подвергнут насквозь прогнивший государственный и общественный строй царской России с его судом, официальной церковью, администрацией, властвующей бюрократической кликой, аристократической верхушкой.

Вместе с этим повышалось реалистическое мастерство Толстого в изображении характеров, в описаниях быта и природы, в психологической мотивировке поведения персонажей.

Чтобы в этом убедиться, достаточно, например, проследить ту эволюцию, какую претерпели у Толстого Анна и ее муж Каренин. Когда действие романа развертывалось в плане индивидуальной судьбы супругов, вне связи их с окружающей общественной средой, и когда все сосредоточивалось вокруг этической проблемы взаимоотношений мужа и жены, Анна наделена была такими чертами, которые значительно принижали ее человеческий облик. Она в ту пору «дьявол» в образе женщины. Беззастенчивая ложь, пренебрежение всякими моральными преградами в борьбе за свое счастье, полное безучастия к страдающему мужу — вот что первоначально свойственно было натуре Анны. Каренина же Толстой сначала изобразил кротким, добрым, чудаковатым и рассеянным человеком, существом «не от мира сего», вся вина которого была только в том, что он не мог вызвать в жене того любовного чувства, какое вызвал в ней блестящий молодой офицер Вронский.

Но когда роман осложнился социальной тематикой, Анна и Каренин выступили в окружении пропитанного внутренней пустотой и условной моралью светского круга, образ Анны духовно повысился, образ же Каренина снизился почти неузнаваемо. Характеры, поведение и судьба обоих показаны были теперь как следствие тех общественных условий, в каких они жили и действовали, — Анна в значительной мере как жертва этих условий, Каренин как воплощение той лжи и фальши, какие тяжелым гнетом легли на душу Анны. Одновременно с этим усложнением внутреннего мира Анны усложнились, очень обогатились художественные средства, при помощи которых найдено было совершенное по своему качеству, глубоко реалистическое изображение ее характера.

Художник сумел увидеть настоящую правду жизни, показать в жизни типическое, а не случайное, отказаться от своего первоначального замысла в осмыслении семейной драмы и стал на тот путь, какой был подсказан ему реальной, типической обстановкой его времени.

Чтобы поднять свое реалистическое искусство на ту громадную высоту, на какую поднял его Толстой, требовалась неусыпная его забота о совершенстве формы произведения, но форма никогда не отделялась у Толстого от содержания. «Странное дело эта забота о совершенстве формы, — писал он в 1890 году. — Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе».

В числе правил, поставленных Толстым в начале его творческой работы еще в 1853 году, было и такое: «Избегать рутинных приемов». Эти рутинные приемы смущали Толстого особенно тогда, когда они проявлялись в языке, в стиле. И в том же году он записывает в дневник: «Часто в сочинении меня останавливают рутинные, не совсем правильные, основательные и поэтические способы выражения; но привычка встречать их часто заставляет писать их. Эти-то необдуманные, обычные приемы в авторе, недостаток которых чувствуешь, но прощаешь от частого употребления, для потомства будут служить доказательством дурного вкуса. Мириться с этими приемами: значит идти за веком, исправлять их — значит идти вперед его».

Такими путями шел великий Толстой к достижению того высокого реалистического мастерства, которое на века останется лучшей славой великой русской литературы.

Мудрость тружеников земли

Пятьдесят лет тому назад, в день смерти Льва Толстого, я написал статью, которая определяла мое отношение, мое преклонение перед жизнью и делом великого писателя. И тогда, как и сейчас, Толстой был для меня поэтом и художником, великим выразителем человеческой души, толкователем событий и истории, тонким живописцем природы.

Я встретил известие о смерти Толстого с чувством непоправимой утраты. «Все человечество в трауре, — писал я тогда, — и все видят, что лишились своего верного наставника в жизни, человека, перед титаническими силами которого преклонилась бы сама природа, если бы она была разумна».

Читая романы, повести, рассказы Толстого, чувствуешь, что перед тобой бушует бурный океан жизни, который он обуздал, словно некий всесильный волшебник.

Чувство правды лежит глубоко в народном сознании, и, может быть, Толстой почерпнул его в мудрости тружеников земли, в их страданиях под гнетом помещиков, гнетом бедности, в естественном протесте народа: в рассказах, присказках, частушках чувство правды живет как неотъемлемая категоричная нравственная человеческая проблема. Толстой ощущал эту проблему как основную задачу своей жизни. Правдивость, истина были для него руководящим началом его мыслей и поступков.

Недавно в дебрях Родоп я видел необыкновенную картину: на высоком холме, над глубокой пропастью росли стройные сосны, упираясь иглистыми вершинами в небо. Но одна сосна выросла глубоко в пропасти, достигла холма, стала расти еще выше в небо, обогнав самые высокие сосны... Не так ли, думаю я, и Лев Николаевич Толстой вырос из недр народной жизни, чтобы постигнуть мудрость и гениальность народа?

Людмил СТОЯНОВ
СОФИЯ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ

Последнее и самое сильное впечатление от Толстого я получил несколько лет назад во время посещения Ясной Поляны. Восхищение Толстым — писателем и человеком — захватило меня тогда целиком. В усадьбе все еще свежа память о нем — сильном и глубоком человеке, о его великой судьбе, постоянных исканиях и беспокойстве. Еще ярче почувствовал я там его произведения. Передо мной прошли незабываемые герои из его рассказов, широкие картины общественной жизни из «Войны и мира» и трагические судьбы отдельных людей из «Анны Карениной».

Артур ЛУНДКВИСТ
СТОКГОЛЬМ

ГЕНИАЛЬНАЯ ПРОСТОТА

Приблизительно в 1893 году, будучи студентом Страсбургского университета, я впервые познакомился с произведениями Толстого. Это было крупным событием в моей жизни, равно как и в жизни моих товарищей-студентов.

То, что поразило меня прежде всего, была манера письма этого автора. Никогда до тех пор я не встречал такой гениальной простоты повествования, благодаря которой действующие лица представали передо мной совершенно живыми в обычном для них окружении; я проникался их мыслями, жил их судьбой. Но то, что в ходе дальнейшего чтения произвело на меня еще большее впечатление, был нравственный и творческий облик самого автора. Он писал не для того, чтобы развлекать нас, а потому, что должен был сказать нам кое-что. Не вдаваясь в какие-либо предварительные рассуждения, он увлекает нас сюжетами и самим характером своих произведений, побуждает задумываться над собственной нашей жизнью и ведет нас к простому и глубокому гуманизму. Чувствуется его стремление раскрыть понятие прекрасного решительно во всем, что касается нас.

Как многие другие, испытал его влияние и я. И на меня произвела глубокое впечатление простая и одухотворенная набожность, к которой тяготел Толстой.

Когда в 1902 году я был уже не студентом, а лектором Страсбургского университета, и в плане философском меня занимала проблема возврата нашей цивилизации к идеалам гуманизма, вдохновлявшим людей в конце XVIII и в первой половине XIX веков, духовные узы, связывающие меня с Толстым, стали еще теснее. В области теологии я посвятил себя исследованиям жизни Иисуса как исторической личности и проблем начальных этапов христианства. В этом смысле я мог бы представить Толстому, которому была свойственна простая христианская набожность, интересные для него материалы.

Казалось, все побуждало меня установить отношения с этим почтенным старцем. Мой друг Ромен Роллан сделал это, и не мог нарадоваться такому знакомству. Что же до меня, то я был слишком робок, чтобы решиться на это.

Я удовольствовался выпавшим на мою долю счастьем вспахивать то же поле, что и он, и навсегда остался ему благодарным за влияние, которое он оказал на меня.

Альбер ШВЕЙЦЕР
ЛАМБАРЕНЕ,
Республика Габон (Африка)

Человек должен быть добр

Во время первой мировой войны я написал книгу, направленную против войны, — «Человек добр». Мне знакома великая литература, созданная другими писателями и направленная против уничтожения человека человеком. Но величайшая книга из всех написанных о войне — это «Война и мир» Льва Толстого. Я знаю эту книгу со времен моей юности. Я восхищаюсь грандиозным количеством ее образов, проницательным политическим анализом, страстным участием Толстого к страданиям, которые война принесла всем людям и прежде всего русским людям.

Он был величайшим бойцом за новый гуманизм, за гуманизм нашего столетия, за гуманизм, который раз и навсегда восставит войну превратиться в явление прошлого.

Он был величайшим бойцом за те условия человеческого существования, при которых человек действительно может быть добр и за которые я начал сражаться уже во время первой войны в моей книге «Человек добр».

Леонгард ФРАНК
МЮНХЕН

ВЕЛИЧИЕ И ЧИСТОТА

Пятидесятилетие со дня смерти Л. Н. Толстого, несомненно, вызовет большой отклик в Чехословакии как среди чехов, так и среди словаков. «Война и мир» уже почти сто лет тому назад стала любимой книгой самых широких слоев наших читателей и тем самым одним из основных произведений, которые богатством своего содержания — в отличие от наших «французов», тяготеющих скорее к развлекательности, парадности, пикантности в форме и содержании, — помогали создавать наш современный национальный характер. Вот поэтому-то «Война и мир» у нас значительно более популярна и имеет большее влияние, чем «Анна Каренина», при всем нашем уважении к ее художественным достоинствам и ценности.

Это убеждение и побудило меня, молодого научного работника — историка, занимавшегося в московских архивах в 1900 году, поехать в Ясную Поляну и прямо поговорить об этом с Толстым. И Толстой не только согласился, но и развернул передо мной философию истории книги «Война и мир», которую я сравнивал с тем, что было во мне от характера князя Андрея, лежащего раненым на Славковском поле у нас в Чехии и думающего о мире и его законах.

Толстовские теории и стремление преобразовать мир непротивлением злу под могучим дыханием «Войны и мира» отошли у нас на задний план, и тем самым этот шедевр, это выдающееся произведение сияет у нас во всем своем величии и чистоте.

Зденек НЕЕДЛЫ
ПРАГА

ВОСХИЩЕНИЕ

Восхищение, которое французы испытывают по отношению к Толстому (из всех русских писателей он, пожалуй, наиболее известен в нашей стране), имеет двоякое объяснение.

Я думаю, что не ошибусь, приписывая главную долю обаяния Толстого мысли писателя, исполненной великодушия и гуманизма, которые по сей день находят отклик в умах многих наших современников. Среди других причин неувядаемой жизненности Толстого — его художественное мастерство, с моей точки зрения, достигшее наибольшего совершенства в «Войне и мире».

В то же время мы, конечно, не забываем о наивности, присущей дензму, и сентиментальности великого писателя. Но во второй половине XIX века они имели свое оправдание, и Толстой, несмотря на извилистый путь его мысли, по-своему пробуждал в людях стремление идти путем «доброй воли».

Так обстоит дело с толстовской философией, отмеченной выраженным стремлением охватить всех и вся и зачастую весьма туманной. Остается искусство романиста, искусство, лишенное какого бы то ни было формализма, необычайно впечатляющее, великолепное искусство. В «Войне и мире» — книге, которую я ставлю выше всех других произведений Толстого, — он обнаруживает еще и мастерство историка. Вернее, он оживляет, обогащает искусство историка и, хотя описывает события 1812 года, создает самый яркий и близкий для французов образ русского народа.

Пьер ГАСКАР
ПАРИЖ

НАКАНУНЕ

Б. ЭЙХЕНБАУМ

1. Весной 1847 года Толстой решил уйти из Казанского университета и заняться «помещичеством». Ему шел 19-й год; он был полон самых восторженных планов. В выданном ему свидетельстве было сказано, что он, как не окончивший полного курса, «сравнивается в преимуществах по чинопроизводству с лицами, получившими образование в средних учебных заведениях, и принадлежит ко второму разряду гражданских чиновников».

Однако он не собирался быть чиновником ни второго, ни первого разряда. Прямым ответом на эту казенную бумагу были его слова в «Утре помещика»: «Я чувствую себя способным быть хорошим хозяином; а для того, чтоб быть им, как я разумею это слово, не нужно ни кандидатского диплома, ни чинов».

Это была эпоха увлечения социальными и экономическими утопиями, и Толстой не был в стороне от них. Он въехал в Ясную Поляну не как обыкновенный «барин», а как помещик-утопист, решивший «обеспечить счастье крестьян и свое».

Представление о юности Толстого как о периоде пустой «светской жизни» ошибочно и неправдоподобно. Сороковые годы были пережиты им не только как его личная юность, но и как юность новой эпохи, несущей веру в возможность земного счастья. Вместе с этой эпохой он разочаровался в «умозрительной» философии и обратился к практической деятельности; вместе с нею он пришел к выводу, что назначение человека состоит в том, чтобы постоянно совершенствоваться, что его естественное стремление есть стремление к счастью или «благосостоянию» и что цель жизни есть «сознательное стремление к всестороннему развитию всего существующего» (Дневник 1847 г.). Философию юный Толстой определяет как знание, каким образом направлять естественное стремление к благосостоянию, вложенное в каждого человека.

Во всех этих тезисах ярко отражается эпоха. В 1846—1847 гг. появились известные статьи В. А. Милютина, направление которого Белинский считал «дельным и совершенно гуманным, без прекраснодушия». Милютин утверждал, что одна из новых идей, извлеченных из самой жизни и принадлежащих к коренным убеждениям века, есть «идея о постоянном, постепенном, бесконечном усовершенствовании человека». «Но совершенство, как для отдельного человека, так и для целого человечества, состоит в гармоническом всестороннем развитии его способностей и сил и в полном удовлетворении всем законным его потребностям, данным ему природой и развитым образованностью. Другими словами, истинное призвание человечества заключается в непрерывном стремлении к счастью, к блаженству, к развитию своего благосостояния в физическом, материальном, умственном и нравственном отношениях». Это была скрытая пропаганда социалистических идей.

Бросается в глаза сходство мыслей и даже выражений.

В наброске ко второй половине «Юности» Толстой вспоминает «чудные незабвенные ранние утра от 4 до 8 часов», когда он «один сам с собой перебирал все свои бывшие впечатления, чувства, мысли, поверял, сравнивал их, делал из них новые выводы и **по-своему перестроивал весь мир божий**... И я убежден, — прибавляет Толстой, — что выводы, которые я делал, были не только относительно меня, но положительно новые. Я чувствовал это по тому неожиданному, счастливому и блестящему свету, который вдруг разливала на всю жизнь вновь открытая истина». Мысленная перестройка человеческой жизни («исправить все человечество, уничтожить все пороки и несчастия людские», как сказано в конце «Отрочества») и составляла главное идейное содержание его юности, была ее пафосом. Это сказалось и на его произведениях.

2. Ранние произведения Толстого насыщены автобиографическим материалом. В особенности это относится к черновым текстам: здесь он давал полную волю не только своему воображению, но и своей памяти, хранившей многочисленные итоги самонаблюдения и «самоиспытывания». Так получилось, что в черновых текстах «Романа русского помещика» (будущее «Утро помещика») и «Казаков» скрываются драгоценные для биографа мемуарные куски — и именно из периода юности, очень бедного биографическими материалами. Толстой не любил и не умел писать воспоминания. «Связно описывать события и свои душевные состояния я не могу, — заявил он, — потому что я не помню этой связи и последовательности душевных состояний». Зато самое содержание своих душевных состояний Толстой хорошо помнил и, «соединяя правду с выдумкой», наделял ими своих героев.

Прошедшее — уже тем самым, что оно осталось позади, — всегда казалось ему полным заблуждений и потому требующим забвения. «Оторваться от всего прошедшего, переделать, забыть все, что было, и начать свою жизнь со всеми ее отношениями совершенно снова», — таково было его постоянное и заветное стремление. Он признается: «Я даже наслаждался в отвращении к прошедшему и старался видеть его мрачнее, чем оно было. Чем чернее был круг воспоминаний прошедшего, тем чище и светлее выдавалась из него светлая, чистая точка настоящего и развивались радужные цвета будущего». Так было в молодые годы; так же, и еще резче, было в старости. Вместо воспоминаний получилась «Исповедь». Недаром Толстой так любил «Воспоминание» Пушкина со строками:

И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Однако именно поэтому художественные произведения Толстого насыщены автобиографическим материалом (особенно в первоначальных редакциях) и часто приближаются к мемуарам (особенно в ранних произведениях). Толстой наделял своих героев своими же страстями, исканиями, стремлениями, ошибками — своим душевным и умственным опытом. В этом смысле процесс творчества был для него часто процессом **воспоминания**, который вызывался желанием забвения. Вспомнить, чтобы обобщить и забыть. Отходя от своего прошедшего и стараясь забыть его, он доводил его до художественного обобщения и строил на нем жизнь выдуманных им людей. Он как бы отдавал им свою жизнь после того, как она становилась прошлым. Таким образом он, в сущности, рассказывал свою жизнь в своих художественных произведениях.

Художественное творчество Толстого началось с дневников — с пристального самонаблюдения и самоиспытывания. И это очень характерно. Он изучал себя, как изучают сложный механизм: каждую деталь отдельно и всю машину в действии. Это сравнение есть у него: историю душевных движений и переворотов он называет моральной механикой человеческой души. От коротких дневниковых записей он перешел к более трудной задаче: к изучению одного дня во всех подробностях («История вчерашнего дня», 1851 г.). Оказалось, что такая книга не имеет конца: «не достало бы чернил на свете написать ее и типографщиков напечатать». Толстой умалчивает о том, что не хватило бы сил и времени написать такую книгу, — этой мысли он, очевидно, не допускал.

И в самом деле, он не побоялся, прервав «Историю вчерашнего дня», взяться за грандиозную историю четырех эпох развития: детство, отрочество, юность и молодость. Главной его задачей было резко обозначить характерологические черты каждой эпохи.

В черновом тексте «Казаков» есть замечательное описание юности Оленина, и многое, конечно, взято Толстым из собственной жизни. С этой точки зрения особенно существенно то, что сказано о смелом уме Оленина, разрывавшем все с пелен надетые на него оковы. «Понемногу стали открываться необыкновенные вещи. Открылось, что все наше гражданское устройство есть вздор, что религия есть сумасшествие, что наука, как ее преподают в университете, есть дичь, что сильные мира сего большей частью идиоты или мерзавцы, несмотря на то, что они владыки. Что свет есть собрание негодяев и распутных женщин и что все люди дурны и глупы. И еще, еще, и все ужаснее открывались вещи».

Этот внушительный список открытий, несомненно автобиографический, не документирован ни дневниками, ни письмами, а между тем он бросает свет на всю раннюю юность Толстого: оказывается, что в годы студенчества он успел пройти через смелое отрицание всех признанных «устоев», а затем обратился к вопросу о «перестройке» мира.

Л. Толстой играет в городки.
Фото В. Черткова. 1909 г.

В «Романе русского помещика» идейная связь юного Толстого с передовыми стремлениями эпохи видна еще яснее. Наблюдая жизнь крестьян, Нехлюдов восхищается тем, что им неизвестны бездействие, желчность, скупость, эгоизм старости, низкий страх приближающейся смерти — порождения роскоши и праздности. Затем следуют слова, свидетельствующие о знакомстве Толстого с утопическим социализмом: «Да, труд — великий двигатель человеческой природы: он единственный источник земного счастия и добродетели». Это цитата: взгляд на труд как на источник счастья был одним из основных положений в учении Фурье и у петрашевцев. Дальше близость Нехлюдова — Толстого к утопистам подкреплена еще одной цитатой. Нехлюдов убеждается в том, что произвести задуманную им реформу трудно: «Сколько препятствий встречала единственная цель его жизни, которой он исключительно предался со всем жаром юношеского увлечения!.. Искоренить ложную рутину, нужно дождаться нового поколения и образовать его, уничтожить порок, основанный на бедности нельзя — нужно вырвать его. — Дать занятия каждому по способности. Сколько труда, сколько случаев изменить справедливости».

Как видно, Толстой был действительно *увлечен социалистическими идеями* и приехал в свое имение с утопическими планами в духе петрашевцев. Надо, кстати, отметить, что с некоторыми из них он был лично знаком (А. П. Беклемишевым, А. И. Европеусом, Н. С. Кашкиным). В. Милютин был одним из друзей его детства.

Укажем, наконец, на одну интереснейшую запись, которая может послужить предметом целого исследования. В тетради 1851 года Толстой записал: «Искали философ[illegible]ный камень, нашли много химических соединений. — Ищут добродетели с точки зрения социализма, т. е. отсутствия пороков, найдут много полезных моральных истин». Сравнение социальных утопий с алхимией, которой наука обязана открытием химических законов, было очень распространено: оно встречается и у Фурье, и у Пьера Леру, и у петрашевцев. Возможно даже, что эта запись — выписка из книги. Во всяком случае она подтверждает интерес юного Толстого к утопическому социализму.

Г. В. Плеханов считал, что Толстой многое **втолковал** в евангелие под *влиянием великих социальных идей* своего времени. Это очень верно, и начало этому было положено еще в пору его ранней юности.

НЕОБЫЧНАЯ ПОСЫЛКА

Среди писем, пришедших в «Литературную газету», есть одна маленькая посылка. Ее содержимое необычно. Севастополец С. Кукушкин прислал нам горсть земли с того исторического 4-го бастиона, на котором сражался (во время Крымской войны, в 1854—1855 годах) Лев Николаевич Толстой. Мы передадим этот подарок в музей Л. Н. Толстого.

Неопубликованные материалы из архива В. М. Эйхенбаума.

Бундесвер во Франции: Начало реванша?

«Они возвращаются, это их реванш!» Такими словами французская газета «Либерасьон» сопроводила сообщение о прибытии во Францию солдат западногерманского бундесвера. «Это—гости де Голля, а не французского народа».

Да, французский народ не давал согласия на размещение западногерманских военных баз во Франции! Не давали его и жители маленьких городков Мурмелон и Сиссон, раскинувшихся на северо-востоке Франции, в живописной Шампани, неподалеку от Вердена. Однако только что Мурмелон и Сиссон подверглись «мирной» оккупации: боннские солдаты заняли территорию местных военных лагерей. Но это, видимо, только начало. Как сообщает печать, предполагается создание двух западногерманских авиабаз — в Истре и на Корсике...

Бесцеремонное вторжение бундесвера, санкционированное французскими властями, вызвало гнев и возмущение патриотов. 13 ноября во Франции состоялся День протеста против размещения в стране западногерманских военных баз. Тысячи и тысячи французов требуют: «Вон из Франции солдат бундесвера!»

Мы публикуем сегодня отклики французских газет «Юманите» и «Либерасьон» на «четвертую оккупацию»: заметки публицистов, отрывки из репортажей и фотоснимки, посвященные прибытию частей бундесвера во Францию. Зловещая угроза вновь нависла над прекрасной страной!

Воскресенье протеста

ЭТОГО осеннего воскресенья мы не забудем никогда. Чтобы почтить память первого председателя Национального совета движения Сопротивления Жана Мулена, убитого предшественниками тех, кто сейчас хозяйничает в Мурмелоне, мы решили украсить цветами мемориальную доску, воздвигнутую в его честь. Каждого из нас, шедшего к мемориальной доске, тотчас же окружили четверо полицейских...

На кладбище в Иври пришли 13 ноября шесть тысяч парижан и парижанок. Торжественным маршем прошли они к братской могиле расстрелянных патриотов. Никакие запреты не смогли и не смогут приостановить пробуждение национального самосознания перед лицом грозной опасности: нашу землю снова топчут чужие солдатские сапоги, ставшие символом несчетных бед, безмерного горя.

Блестящий успех Дня протеста против размещения в стране военных баз бундесвера, который был проведен во Франции по призыву движения сторонников мира, свидетельствует об огромном размахе этого первого проявления народного негодования. В Париже тысячи демонстрантов совершили паломничество к священным местам Сопротивления. Вышли на улицу патриоты: в Оранже — 10 тысяч, в Коньяке — 6 тысяч, в Па-де-Кале — 5 тысяч, в Люнеле — 4 тысячи, в Лаоне — 2 тысячи, Сен-Дье — 1500 человек, в Тарбе — тысяча, в Компьене — тысяча, только по предварительным данным.

«Нет! — германскому милитаризму! Нет — новой кровавой авантюре!» — единодушно провозгласили патриоты в Оранже, Лаоне... Эту торжественную клятву повторили патриоты во всей стране.

Оскорбление памяти жертв фашизма, забвение преступлений, совершенных нацистами, вооружение реваншистов по ту сторону Рейна, очередная оккупация Франции — все это нисколько не ведет к примирению с Германией.

Для того чтобы между нашими народами навсегда воцарились дружба и мир, должен исчезнуть их общий враг — германский милитаризм!

Жорж БУВАР

Злободневные заметки

1. Старая фирма Жоржа Бонне

В МУРМЕЛОН прибыл военный преступник. Не для того чтобы предстать здесь перед судом за совершенные им преступления, — в свое время его уже заслуженно осудили на 25 лет каторги. Нет, он прибыл сюда, чтобы провести пресс-конференцию, а тем временем войска бундесвера занимали местный военный лагерь. Но журналисту, представляющему «Юманите», присутствие на этой пресс-конференции было запрещено.

Хотелось бы знать, по чьему приказу проводится подобная дискриминация? Неужто по приказу генерала де Голля, обещавшего расисту Глобке (как некогда Бонне судил Риббентропу) «образумить коммунистов»? Или так распорядился сам нацистский полковник, аргументируя свое распоряжение тем, что «коммунисты — не французы»? Кто-то ведь должен был отдать этот приказ. Одно из двух: либо генерал де Голль стремится избавить выдвинутых и награжденных Гитлером офицеров от вопросов со стороны не в меру антигитлеровски настроенных французов; либо нацистский полковник единолично командует в Мурмелоне. В первом случае это означает, что де Голль подходит к французам с меркой, недвусмысленно говорящей о том, что́ именно подразумевает президент под словом республика. Но и во втором случае «французское величие» тоже предстает в своеобразном свете!

Ибо трудно представить себе более показательный символ деголлевской политики, которую некоторые шутники находят еще недостаточно «европейской»: нацистский военный преступник, разгуливающий во Франции, в то время как французские жандармы изгоняют с территории французского военного лагеря француза, бывшего узника фашизма Фернана Шателя, награжденного военной медалью движения Сопротивления!

Еще мюнхенцы твердили о франко-германском «примирении». Но примирение с германским народом — нечто прямо противоположное примирению с германским милитаризмом. Когда Бонне обделывал делишки с Риббентропом, когда то же самое повторяют преемники того и другого, то это не шаг к примирению, а политическая махинация. Прямое доказательство — начавшаяся дискриминация французов, независимо от того, кто стоит за этим — генерал де Голль или полковник Ширмер, а может быть, и тот, и другой.

«Если эта история кажется вам забавной...» — поется в старинной песенке. Но история показывала, к какого рода «забавам» приводит подобное предательство.

Предательство по отношению к делу мира. Предательство по отношению к Франции.

Командир западногерманских парашютистов, оккупировавших Мурмелон, полковник Ширмер — фашистский военный преступник. Он нагло щеголяет орденами, полученными от Гитлера (на снимке орденские ленточки обведены белым кружком).

2. На добром французском языке...

ОДИН учитель рассказал мне, как во время последних экзаменов на звание бакалавра он спросил экзаменующегося: «Кто выиграл последнюю войну?» «Германия», — ответил юноша. За такой ответ ему поставили кол и исключили из числа экзаменующихся. Я сказал учителю, что он был слишком строг. Возможно, у мальчика были смягчающие обстоятельства, может быть, он приехал из Мурмелона или Сиссона.

Одинаковые причины приводят к сходным результатам! Командование армии, которая расквартирована в наших краях, создает специальные отделы психологической службы на манер той армии, которой следовало бы оставаться тут, а не лезть с войной к соседям. Все эти отделы изучают вопрос о том, как подчинить себе туземцев и как помочь оккупантам понять оккупированных.

Позволительно ли мне будет предсказать сотрудникам немецкой психологической службы, что они добьются не большего успеха, чем их французские коллеги в Алжире? Говорят, этими отделами руководят люди, «слывущие знатоками национального характера французов».

Полагаю, что, поскольку ничто не заменяет личного опыта, немецкое командование не преминуло обратиться к бывшим командирам гитлеровских войск, оккупировавших во время войны Сиссон и Мурмелон. Вот только будут ли оценены по достоинству уроки, преподанные этими признанными и вновь призванными на службу специалистами? На всякий случай, немецкие солдаты, я слегка дополню их сам.

Знайте, французы отличаются консервативным мышлением; они любят повторять: «Угольщик — хозяин в своем доме». И если вам придется прочитать на стене «Гоу хоум!», то не думайте, что кто-то упражнялся в английском. Эти два слова легко переводятся на немецкий язык одним: «Раус!» — что означает «Вон!» Во время вашего последнего визита к нам все французы хорошо усвоили это слово. Да будет вам известно также, что мои соотечественники не питают к вам никакого враждебного чувства, по крайней мере, когда вы одеты в гражданское платье.

Но что вы хотите? У них не так уж коротка память, как воображают некоторые ваши друзья. К вермахтовской униформе они испытывают непреодолимое отвращение. Может быть, вам лучше переодеться в форму зуавов образца 1912 года?

Когда-то в короткие мирные передышки между теми войнами, которые вы нам навязывали, вы оставались у себя дома. Это было мудро и способствовало возникновению взаимной симпатии. Но вот сейчас вашим хозяевам взбрело в голову еще раз оккупировать нашу страну, не дожидаясь возобновления военных действий. Ясно, что они хотят заставить нас вступить в войну вслед за ними, как только они решат, что пробил час (разве можно представить себе страну, куда в мирное время введены войска ее бывшего военного противника?).

Опасайтесь, немецкие солдаты, как бы этот незваный визит не принес вам больше огорчений, чем приятных минут. Короче говоря, вот способ проверить компетентность ваших наставников: если после обучения вы придете к выводу, что было бы разумнее оставаться в своих казармах, чем красоваться в наших, — значит, они отличные психологи!

Андре ВЮРМСЕР

На фасаде здания мэрии города Обуэ вывешен транспарант с надписью: «Никаких германских баз во Франции! Никаких германских сапог на нашей земле!»

«МЫ ОТКАЗЫВАЕМ БУНДЕСВЕРУ В ПРАВЕ ПРОХОДИТЬ ЧЕРЕЗ НАШУ ТЕРРИТОРИЮ»

ГОРОД Обуэ объявил, что он «закрывает свои двери» для солдат вермахта. На дороге из города Меца, в нескольких метрах от черты, по которой проходила в 1870 году граница между Францией и Пруссией, я увидел плакат, прикрепленный к врытым в землю столбам: «Город Обуэ. Проезд и остановка на территории коммуны немецким войскам запрещены».

В решении, принятом муниципальным советом, говорится, что прохождение солдат новой западногерманской армии через город Обуэ «способствовало бы нарушению общественного порядка, учитывая преступления, некогда совершенные немецкими фашистами против населения города».

Вокруг города высится бесчисленное множество памятников, могил и крестов, напоминающих о кровавых сражениях времен последнего немецкого нашествия.

Но Обуэ никогда не покорялся оккупантам.

В 1942 году после ряда героических вылазок против оккупантов было арестовано много участников Сопротивления. Одиннадцать жителей Обуэ пали в Мальпьере под пулями солдат фашистского карательного отряда. Приказ о расстреле был отдан теперешним генералом Шпейделем. Накануне освобождения Обуэ был окружен дивизией, которая шла из Орадура, и снова много жителей погибло во время расстрелов, а город был разрушен.

Вот почему Обуэ не желает в четвертый раз подвергаться немецкому нашествию и открыто заявил об этом... Префект департамента Мёрт и Мозель решил, пренебрегая законом, воспротивиться этой мере. Тогда рабочий муниципалитет Обуэ в ответ на действия префекта созвал пресс-конференцию. Зал был набит битком. Здесь наряду с журналистами собрались почти все жители города. Население единодушно поддержало своих выборных представителей.

На столе перед мэром города Жаном Бертраном — кипа писем и телеграмм. Из Англии, Бельгии, изо всех уголков Франции и даже из Западной Германии поступают письма, в которых выражены одобрение и поддержка принятых муниципалитетом решений.

Я читаю на маленьком листочке: «Ура! Шлю вам дружеский привет...». В другом письме, присланном из Германии, сказано: «Вы правы, они не изменились!».

— Мы не шовинисты, — говорит Жан Бертран, — мы за франко-германскую дружбу, но мы против союза с торговцами пушками... Боннские солдаты, размещенные на французской земле, служат в армии единственной страны в Европе, предъявляющей территориальные требования. Никто не может с уверенностью сказать, что в войсках, которые введены сейчас во Францию, нет людей, участвовавших в расстреле в Мальпьере...

Роже ПУРТО

КАК ЭТО ВЫГЛЯДИТ

...НЕУЖЕЛИ это правда? Неужели новый вермахт с его сапогами, касками, эмблемами ступит, как прежде, на нашу землю?

Первый удар. На вокзале в Сиссоне я различаю во тьме фигуры немецких офицеров. Одни — в касках с продолговатыми козырьками, другие—в нацистских фуражках, на которых недостает лишь свастики.

Второй удар. Один из этих офицеров подошел ко мне и сказал:

— Я есть капитан Буланше. Какой газета ви представляете?

Я ответил с особенным удовольствием, ибо название моей газеты напоминает о событиях, которые отнюдь не добавляют славы вермахту. Слово «Либерасьон» — освобождение — в ушах капитана прозвучало, как взрыв бомбы.

— Покашите специальный пропуск министерства вооруженных сил!

— У меня такого нет, — бросил я, прямо глядя в его искаженное злобой лицо.

— Тогда я фам приказывай немедленно уходить. Ви не имеет прафо находиться здесь. Вокзал есть военный объект. Выходите!

Третий удар. Немецкий капитан подозвал — точно своих ординарцев — двух французских офицеров; один из них — жандармский капитан, другой — лейтенант железнодорожных войск; они проводили нас — меня, нашего фотокорреспондента и шофера — на дорогу.

Остальные присутствовавшие здесь журналисты смогли беспрепятственно заняться своим делом. Я решил, что мы, хотя и с осложнениями, будем заниматься своим. Собратья по перу дружески улыбались нам.

Впоследствии корреспондент одной американской газеты рассказал мне, что после того, как по приказу немецкого капитана нас изгнали, французский офицер обратился к своему коллеге-немцу со следующими словами:

«Вы не имеете права так поступать. Этот вокзал — не военный объект. Любой человек может здесь сесть в поезд и смотреть куда угодно. Вот лагерь Сиссон — это, конечно, другое дело...»

В самом деле, вокзал Сент-Эрм — общественное место.

Да не прогневается господин капитан, мы все же занялись своим делом.

***

Немецкие поезда прибывали один за другим с 3 часов утра до 15.30; второй состав был нагружен людьми, легкими танками и грузовиками. Третий и четвертый — войсками и грузовиками. Пятый — войсками, транспортерами и грузовиками.

«Они славные ребята, — сообщил мне уполномоченный боннского правительства по пропаганде.— Они еще молоды. Кроме того, большинство из них обучено французскому языку. Они понравятся вашим девушкам».

На мой взгляд, у этих молодчиков лишь одно лицо — лицо немецкой армии. Почему?

Симпатичны они или нет, эти юнцы вступили в Сиссон, вооруженные револьверами, карабинами, ручными и станковыми пулеметами, легкими танками. Зачем? Чтобы стрелять голубей? Или убивать французов?..

В каждом грузовике солдаты были вооружены до зубов. Офицеры, в среднем в возрасте 45 лет, сидя в легковых машинах, улыбались фокусу де Голля — Аденауэра, сделавших их насильственное возвращение сюда официально возможным.

При виде дефилирующих войск крестьянин на дороге сжал кулаки и сказал: «В третий раз вижу, как они сюда приходят: в 1914, в 1940 и в 1960. В 1914 они окружили нас в городе Лаон. Нам уже готовили одеяние из простыней. В 1940 году они убили моего сына. Зачем только в 1958 году мы сказали «да» де Голлю!»...

Жан ВИДАЛЬ

Слезы и сжатые кулаки...

...БЫЛО 0 часов 10 минут, когда поезд № 67518 остановился у сортировочной станции Шалон-сюр-Марн. Через 18 минут затормозил еще один — № 67524... Прошло еще 13 минут, и поезд, прибывший первым, снова тронулся: назначение — Мурмелон. До 6.44 утра через эту станцию, оцепленную полицией, прошли один за другим пять железнодорожных составов. Новый вермахт предпочел выгрузить свое оружие и солдат ночью...

«25-я бригада парашютных войск заняла лагерь Мурмелон в Шампани. В течение одной ночи», — писала назавтра «Штутгартер цейтунг».

Но занять военную базу — одно, а завоевать сердца населения — совсем другое. Это неправда, будто в Мурмелоне происходит братание между немецкими солдатами и жителями Шампани. Четыре дня прожил я здесь и узнал жизнь этого марнского городка.

Вот как реагировали его жители на приход немцев:

Г-н Рене Паризе, председатель местной организации бывших военнопленных: «Подавляющая часть населения — против согласиться с их пребыванием здесь — значит положить палец в шестерню германского милитаризма, присоединиться к его целям».

Сельскохозяйственный рабочий: «Подумать только, я бежал из концлагеря, чтобы вместе с де Голлем вышвырнуть их отсюда. А сегодня он сам их сюда привел...»

Бывший участник Сопротивления: «Нет, нет! Только не это. Ведь германские милитаристы уничтожили в нашем районе семь коммун. В 1918 году в Реймсе осталось всего 60 жилых домов».

Молодой французский солдат: «И нас еще заставляют приветствовать немецких офицеров!»

Крестьянин: «Позор для Франции, особенно перед лицом других народов, воевавших против Гитлера».

Я решил привести эти высказывания, услышанные в разных местах, а не у стойки кафе, ибо я видел, как фабриковалась «дружба» с бундесвером.

Боннские журналисты раздавали ребятишкам франки для того, чтобы сфотографировать детей с солдатами... Но события опрокинут и уже начали опрокидывать эту мошенническую операцию «Фройндшафт» («Дружба»).

В ту же ночь, несмотря на постоянное патрулирование автомашин с жандармами, дороги покрылись надписями. Казалось, сами мостовые в полутьме взывали: «Вон отсюда!»

Случаю было угодно, чтобы мое окно оказалось как раз рядом с одной из таких надписей. Поэтому я смог увидеть и услышать, как Мурмелон пробуждался к борьбе. Надо понять психологию этого города. К появлению немцев, которое будит мысль даже у тех, кто готов, казалось бы, с ними сотрудничать, надо прибавить еще присутствие полиции. Куда бы вы ни поехали, вас всюду разглядывают жандармы. Почти на каждой улице торчат по два конных жандарма...

Это напоминает атмосферу алжирского квартала в Париже, оккупированного полицией. Оппозиция часто выражается только в кругу друзей...

Немецкие солдаты ходят группами, по два, три человека, «корректны», уступают вам место на тротуаре, губы их кривятся в улыбку, не лишенную психологического смысла... Но как только завязывается разговор, кое-что настораживает. Среди преувеличенных выражений дружбы появляется весьма характерное: «Не беспокойтесь. Опасность исходит не от вас. Она идет с востока».

Такова платформа, изложенная их полковником Ширмером журналистам.

«Наше сотрудничество перед лицом советской угрозы является абсолютной необходимостью». Ему, конечно, характер этой «угрозы» хорошо известен: недаром в 1945 году он был приговорен к 25 годам каторги за военные преступления! Но если у Ширмера от этих дней сохранился лишь горький осадок, то у французов, в том числе и у жителей Мурмелона, память не столь коротка...

Молодые солдаты немецкой армии — плоть от плоти реваншистского бундесвера, и я убедился в этом, когда многие из них не смогли сохранить хладнокровие при виде французов — бывших политических заключенных, распространявших на улицах города листовки. Боннские солдаты имели наглость смеяться при виде полосатых одеяний бывших узников лагерей смерти.

В Мурмелоне живет бывшая узница Равенсбрука г-жа Роше, муж которой, железнодорожник, был расстрелян в феврале 1944 года. Эта больная женщина в день прибытия немецких войск отправилась на кладбище и возложила на могилу мужа скромный букет, написав на трехцветной ленточке одно слово: «Уважение».

Жизнь маленького городка снова стала напоминать времена оккупации. Сотни немцев прогуливаются по его улицам. Я видел слезы на глазах французов и их сжатые кулаки...

Жак РАЛИТ

За рубежом

СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ

ЮНЕСКО ДОЛЖНА СЛУЖИТЬ МИРУ

Три дня назад в парижском Дворце на площади Фонтенуа открылась XI генеральная конференция ЮНЕСКО — Организации Объединенных Наций по вопросам просвещения, науки и культуры. Флаги 88 государств реют над зданием: никогда еще с тех пор, как была создана эта организация, она не была такой представительной. Велики и ответственны задачи, которые ЮНЕСКО призвана разрешить.

Пятнадцать лет назад, когда создавалась ЮНЕСКО, в ее Устав были записаны благородные, исполненные гуманности цели: укрепление мира и благосостояния народов, уважение к человеческой личности, равноправие рас и людей, развитие международного сотрудничества в области просвещения, науки и культуры. И если деятельность организации не всегда отвечала этим задачам, то объяснялось это длительным господством в ней западных держав. Главные участники ЮНЕСКО пытались поставить ее на службу своим интересам, навязать народам «западную цивилизацию» и буржуазную идеологию.

Многое изменилось с тех пор. Вступление в ЮНЕСКО Советского Союза и ряда социалистических стран, государств Азии и Африки, освободившихся от колониального гнета, изменило ее характер. Это дает ей возможность стать по-настоящему действенной организацией, превратиться в важное орудие сохранения мира. Советский Союз, страны социалистического лагеря, молодые государства, обретшие независимость, полны решимости выполнить свой долг перед человечеством.

В своем послании XI конференции ЮНЕСКО Никита Сергеевич Хрущев от имени Советского правительства подчеркнул: «Все народы кровно заинтересованы в предотвращении войны, в скорейшей ликвидации позорной колониальной системы, в упрочении принципов мирного сосуществования в международных отношениях».

Послание главы Советского правительства встретило горячее одобрение делегаций, заинтересованных в осуществлении надежд и чаяний народов. Но оно пришлось не по вкусу представителям тех держав, которые по-прежнему хотели бы диктовать свою волю, проводить политику «холодной войны», восстановить колониальные порядки в мире. Две диаметрально противоположные линии, два курса столкнулись во время дебатов.

Западные державы делают все, чтобы помешать включению в повестку дня вопросов, в разрешении которых кровно заинтересованы миллионы людей. Они возражают против рассмотрения предложенной Советским Союзом Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая, как известно, была внесена СССР на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они протестуют против обсуждения предложенного делегацией Кубы вопроса об осуждении любого государства, пытающегося вмешиваться во внутренние дела других стран. Они хотят уйти от ответа на вопрос о том, почему в ЮНЕСКО до сих пор вместо Китайской Народной Республики представлена жалкая, чанкайшистская марионетка. Иными словами, западные державы по-прежнему надеются на тактику обструкций.

Но сторонники таких действий оказываются во все более явной изоляции. Новые веяния ощущаются в здании на площади Фонтенуа. В ЮНЕСКО сложилось новое соотношение сил. Этого не понимают лишь те, кто лишен всякого чувства реальности.

Работа конференции ЮНЕСКО только началась. Впереди острые споры, жаркие дискуссии. К ним приковано внимание миллионов людей, ожидающих, что ЮНЕСКО сумеет внести достойный вклад в великое дело прогресса и мира.

ЛИТЕРАТОР

ИЗ ГЛУБИНЫ СЕРДЦА

Расул РЗА,
народный поэт Азербайджана, член президиума республиканского Комитета защиты мира

Я — ПОЭТ, у меня мирная профессия. Я не имею других средств борьбы, кроме моего слова, идущего из глубины сердца. И я присоединяю мой голос к потоку голосов людей всего мира, борющихся за свободу Манолиса Глезоса.

Я не видел Манолиса, не слышал его. Но я видел его страну, знаю историю его древней страны, ее героический народ, дух свободолюбия которого ярким пламенем горит в сердце этого скромного бесстрашного человека.

Сейчас жизнь Манолиса Глезоса и других греческих патриотов в опасности. Вечные сумерки мрачных тюремных камер заслоняют щедрые лучи южного солнца, так нужные для здоровья Манолиса Глезоса, а тюремный режим с каждым днем подтачивает здоровье его и других славных сынов греческого народа, которые борются за мир, за справедливость, за светлый день своей многострадальной земли.

Я вспоминаю яркий, солнечный день октября 1956 года в Афинах. Перед моими глазами страница за страницей раскрывалась величественная история древнейшего народа, давшего миру так много изумительных образцов зодчества, скульптуры, поэзии.

Я вспоминаю яркие, как грани алмаза, улыбки юношей и девушек Греции, встречавших нас, посланцев Советской страны, русскими словами, ставшими родными для всех простых людей мира, — словами «мир, дружба».

Я еще храню теплоту этих встреч в своем сердце. Но мое сердце сейчас полно тревоги, вызванной грозящей опасностью медленной смерти Манолису Глезосу и другим греческим патриотам, брошенным в мрачные казематы греческой тюрьмы.

Я обращаюсь к тем, в чьих руках сейчас находится судьба Глезоса и других патриотов Греции, томящихся в застенках. Внемлите голосу народов всего мира! Знайте, что память истории неистребима. Она живет не только на страницах книг, но и в сердце народа. Манолис дорог сотням миллионов людей на земном шаре. Дайте ему свободу, дайте ему насладиться лучами щедрого южного солнца и теплотой дружеских объятий согреть свое многострадальное сердце!

Пусть восторжествуют справедливость, гуманность, милосердие!

БАКУ, 16 ноября. (По телефону)

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Н. Ф. ПОГОДИН, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, отделы: русской литературы — Б 8-09-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — Б 8-59-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30

Б-024245